

Драко

Я подожду...

Научно– фантастический роман

Пролог

– Красиво, правда? – она смотрела в небо. Сполохи закатного костра струились по равнине, трава облачалась тенями, ни ветерка, ни облачка – только пугливая тишина. Моргни, и она встрепенется ланью, метнется прочь молнией, растает мороком.

– Красиво, – эхом отозвался Дориан. В такие минуты, очень редко, его душа – глубоко под сердцем – озарялась почти забытым, страстно желанным светом. Он мог бы напрячь память, зажмуриться в попытке его узнать... Но боялся спугнуть. И потому, отдавшись моменту, хлопнул крылом о крыло и запел¹:

СТЫЛЫМ ВЕТРОМ ОТОГНАНО ЛЕТО,
БРОДИТ ОСЕНЬ В ПУРПУРНЫХ ЛЕСАХ,
ЖДУ Я ТЩЕТНО ХОТЬ ПРОБЛЕСКА СВЕТА
В ОБЖИГАЮЩЕ– МЕРТВЫХ СНЕГАХ...
СО ДНЯ, КАК Я ПОЗНАЛ СТРАХ.

НАД РАВНИНАМИ ПЛЯШУТ ЗАРНИЦЫ,
КАМНЕПАДЫ РОКОЧУТ В ГОРАХ,
Я НАПРАСНО СЧИТАЛ СЕБЯ ПТИЦЕЙ,
ХОРОНИЛСЯ ОТ ПРАВДЫ В ТЕНЯХ...
С ТЕХ ПОР, КАК Я ПОЗНАЛ СТРАХ.

БЕЗГРАНИЧНЫ У УЖАСА КРЫЛЬЯ,

¹ На музыку «Дракон» группы «Мельница»

БЕЗРАЗЛИЧНЫ К СТРАДАНИЮ ГЛАЗА,
О НАДЕЖДЕ ДАВНО ПОЗАБЫЛ Я,
ЧЕРНЫЙ ЛУЧ ОЗАРИЛ НЕБЕСА –
И ВМЕСТО КРОВИ, СЛЕЗА...

Но день придет, когда крылатый
В ржавой клетке скован болью, мучимый жаждой,
Взрастит из праха семя гнева и полет
Его огнем, омоет кровушкой вражьей,
И уползет в гнилую нору кто забыл
Что все драконы – рождаются дважды,
Восторга полон небосвод, его птенцы
Свободы знамя отстояли отважно!
И это повторится вновь во всех мирах,
И мне не страшно,
Больше не страшно...

– Жуткая песня. К чему вы ее вспомнили? – тихо спросила девушка. Дориан отозвался не сразу.

– Она не жуткая, она... древняя, – сказал после долгого молчания. – Эта история родилась, когда руины Кагга еще не были руинами...

– Глупая и бессмысленная сказка, – мрачно отозвалась девушка. – Сами на музыку положили?

Дориан вздохнул.

– Заметно, да?

– Не пишите больше песен. У вас не получается.

– Как скажете, прекрасная Талиса.

Они помолчали.

– Вы испортили мне чудесный вечер, – заметила, наконец, девушка. Подняла взгляд к танцующим в высоте парам, вздохнула. – Обидно. Мне было так... Тепло...

– Вам тоже? – вырвалось у Дориана, и в тот же миг он страстно, всеми фибрами души пожелал вернуть слова назад. Талиса, с легким удивлением, обратила к нему лицо, их глаза встретились. Девушка, как-то беспомощно, улыбнулась и развела крыльями.

– Спасибо.

– За что? – слегка растерянный, Дориан подался назад.

– За песню...

Он вздрогнул.

– Вы говорите загадками.

– Я женщина, – Талиса подмигнула. – Вообще–то, мы, помнится, отправились на природу, чтобы отдохнуть и хорошо провести время.

Дориан улыбнулся.

– Мне хорошо. Я счастлив до кончика хвоста. А вы?

Девушка запнулась.

– Я... – она обернула голову и пристально оглядела свой грациозный, светло–серебристый хвост. – Да, наверное, тоже.

Дориан рассмеялся. Талиса встала с травы, отряхнулась, сверкнув радужными крыльями, на миг озарив все вокруг мириадами блесток.

– Вернемся в лагерь? – предложила внезапно.

Дориан моргнул.

– Сейчас?

– Темнеет.

Он неуверенно кивнул.

– Конечно, летим.

– Нет, – Талиса подмигнула. – Пройдемся пешком. Хочу поговорить.

Дориан с небольшой запинкой развел крыльями.

– Я в вашем распоряжении.

Они медленно направились к мерцавшему вдали огоньку маяка. Вечерняя степь завораживала. Длинные тени под пылающе– пурпурным, почти вишневым небосводом, едва слышимое похрустывание шагов. Царила столь глубокая тишина, что даже с огромной высоты, где танцевали драконы, до земли доносились обрывки их ликующих песен.

– Почему вы не полетели с остальными? – спросила Талиса, глядя в сторону.

Дориан перебрал крыльями.

– Я... Необщительный.

– Общение тут ни причем, – возразила Талиса.

Дориан покачал головой.

– Ну... Как бы объяснить. В шумных компаниях я всегда чувствую себя... Гм...

– Чужим, – закончила девушка. – Стайная атмосфера вас угнетает, вы не можете найти себе места и подсознательно, безотчетно, стремитесь уединиться. Хотя в действительности, главный ваш страх – одиночество. Так?

Дориан помолчал.

– В некотором смысле, да. Вы проницательны.

– Я сама такая, – Талиса обратила в его сторону горящие янтарные глаза. – Разве иначе мы оба присоединились бы к весенней стае только лишь для того, чтобы остаться на земле, когда все сольются в Облачном Танце?

Дориан усмехнулся.

– Я достаточно налетался в юности.

– А вы не молоды? – удивленно спросила девушка.

Он фыркнул.

– Мне за двести.

– Ого... По узорам и не скажешь...

Дориан извинительно приспустил крылья.

– Дело в том, что я недавно перенес почти полную пересадку чешуи, вот и выгляжу лоснящимся птенцом.

Талиса, сильно вздрогнув, остановилась.

– Как это случилось?

– Катастрофа магнитоплана в Белозёрье, слышали, наверно.

Она отпрянула:

– Вы были в поезде?

Дориан улыбнулся.

– Я пролетал над местом аварии.

– Но как же...

Он развел крыльями.

– Обгорел, спасая пассажиров. Пока выносил из вагонов, боли не чувствовал, а как вытащил последнего, просто свалился.

Талиса ахнула:

– Погодите, так вы и есть герой, о котором рассказывали в новостях?! Но... Там же был бронзовый... – она закусила губу. – Простите.

Дориан рассмеялся.

– Верно, прежде я был бронзовым. Но с такими ожогами регенерация не справляется, врачам пришлось нарастить мне искусственную, метаклонированную чешую, а ее делать цветной пока не умеют. Вот и получился эдакий... серый дракон.

Девушка с трудом улыбнулась.

– Вам очень идет. Редкий и красивый оттенок.

– Спасибо.

– А кем вы работали до катастрофы? – она смущенно моргнула. – Я видела значок Альфа– корпуса, но, туда вас пригласили, наверно, уже после...

Дориан кивнул.

– Верно. В Альфа– корпусе я пока новичок, хотя чувствую – останусь в нем надолго. А прежде я был физиком, изучал аномальную энергетику.

– Какую?!

Дориан весело рассмеялся.

– Аномальную, – он подмигнул. – Изредка происходят события, объяснить которые ни одна современная теория не в состоянии. Скажем, детекторы космических лучей ловят протон с энергией, для получения которой потребовался бы взрыв размером со Вселенную. Или в результаты работы ускорителя влезает парочка следов частиц с отрицательной массой... Вот такие отклонения и зовутся аномальной энергетикой.

Талиса мечтательно облизнулась.

– Интереснейшее, наверно, занятие!

Дориан пожал крыльями.

– Не слишком. Научная работа почти сплошь состоит из долгих, нудных, скучных анализов данных, повторных экспериментов и новых анализов. Бывало, я так уставал, что просто улетал от компьютеров и, часами, парил на большой высоте, мечтая встретить... Найти что–то новое.

Он легонько фыркнул.

– Собственно, именно так и застал крушение поезда. А вы, Талиса? Какими судьбами оказались в этой степи?

Девушка слабо улыбнулась.

– Друзья уговорили. Я певица.

– Ох...

– Что?

Смущенный Дориан почесал за рогом крыльевым когтем.

– А я к вам со своими сочинениями...

Талиса рассмеялась.

– Ну, что вы. Я вокалистка, исполняю народную музыку. Песни сочинять не умею вовсе.

Она подмигнула.

– Может, слышали мою версию «Звездного змея»? – девушка закрыла глаза и напела легонько, голосом звенящим, как роса на заре:

ЗДРАВСТВУЙ, ГЕРОЙ,
 ТЫ НАВЕРНО ЗА МНОЙ?
 ПОГОДИ, ПОСТОЙ!
 СЛЫШИШЬ, ВОЛЧИЙ ВОЙ?
 КОЛЬЦА ХЛАДНЫЕ ВЬЮТ
 НАД ТВОЕЙ ГОЛОВОЙ
 В ЛИПКОЙ ТЬМЕ НОЧНОЙ,
 ОКРУЖЕННЫЕ МГЛОЙ,
 ДУШИ ПАДШИХ, ДАВНО
 ПОЗАБЫТЫХ ТОБОЙ...
 ПОДОЙДИ, ГЕРОЙ,
 Я СЕГОДНЯ ТВОЙ,
 ОБНАЖИ КЛИНОК,
 МОЕ ГОРЛО ВСКРОЙ,
 ПУСТЬ ДРАКОНА КРОВЬ
 ПОТЕЧЕТ РЕКОЙ,
 НО СВОЕЙ РУКОЙ
 МНЕ ГЛАЗА ЗАКРОЙ...

Она смущенно переступила с лапки на лапку:

– Грустная песня, но многим нравится...

Дориан вздохнул.

– Вы восхитительны. Простите, что испортил настроение.

Талиса встопорщила гребень:

– Не извиняйтесь, что вы! Это мне следует извиниться за бесцеремонные расспросы. Вам, наверное, больно вспоминать...

– Больно? – весело переспросил Дориан. – Больно вспоминать лучший день в жизни? Отнюдь. Талиса, я успел спасти всех. Ни один пассажир не погиб, хотя при последующем моделировании так и не сумели объяснить, каким образом мне удалось. Я исполнил свой долг лучше, чем кто бы то ни было мог надеяться, и даже остался в живых. Это был восхитительный день!

Они помолчали.

– И все же, простите, – сказала, наконец, девушка. – Я вижу, что причинила вам боль. Я не хотела.

Дориан развел крыльями.

– Все хорошо. Я обычный дракон, такой же, как миллионы других – ученых, инженеров, художников. Просто я оказался в нужном месте в нужное время, вот и все.

Она опустила голову и долго молчала, нервно подергивая хвостом.

– Скажите, только честно... – голос Талисы дрогнул. – Там, у разбитого поезда... Вы не видели... Следов? Черных, дымящихся отметин?

Повисла тишина. Дориан прищурил глаза.

– Нет, – ответил спокойно.

– Они могли быть в стороне от монорельса... На холме...

– Нет. Скиталец там не появлялся.

Девушка сильно вздрогнула и вскинула глаза.

– Вы уверены?

– Уверен. Эта идея пришла не только вам, Талиса. Следы специально искали.

Она выдохнула с огромным облегчением. Дориан шагнул навстречу:

– Вас пугает Скиталец?

– Я не могу принять его существование, – тихо отозвалась девушка. – Он, как стрела в крыле, мешает летать. Он... Противоречит всему, чем мы дышим.

Дориан молча отцепил с пояса значок Альфа–корпуса и протянул собеседнице. Та легонько отпрянула:

– Я уже видела.

– Скиталец – символ спасательной службы.

– Я видела, – повторила она с нажимом. – Он у вас еще и на ремешке трекера нарисован.

Заинтересованный Дориан вздыбил гребень:

– Наблюдательно!

– Но почему? Почему Скиталец?

– М– м– м... – он вновь почесал крыльевым когтем за рогом. – Тут, конечно, идея не самая очевидная, но если задуматься... Скитальца все считают чудовищем. Неведомым кошмаром из глубин космоса, злым вестником. Там, где он появляется, вскоре непременно происходит катастрофа. Но ведь именно благодаря Скитальцу мы успеваем эвакуировать жителей из опасных районов – не появись загодя этот «буревестник», сотни и тысячи драконов расстались бы с жизнями в извержениях вулканов, ураганах и газовых выбросах. А четыреста лет назад, если помните, его зловещая фигура спасла целый город...

Дориан улыбнулся.

– Так что, по факту, Скиталец – первый и величайший сотрудник Альфа–корпуса. Вот почему у нас он считается «почетным главнокомандующим», талисманом и символом одновременно.

Девушка зло прижала уши.

– А вы сами его видели? – спросила негромко.

– Я? – Дориан опешил. – Э– э– э... Нет. Я в корпусе недавно, да и Скитальца уже много лет не встречали.

Талиса хмуро кивнула.

– Вот встретите, потом и решайте, какой из него спасатель.

Дориан прищурил глаза.

– Погодите. Уж не хотите ли вы сказать...

– Я вылупилась в Северной Нагарре, – оборвала Талиса. – Мне было пять, когда... Он пришел. Я до сих пор иногда просыпаюсь от грохота, что впитался мне в память той ночью.

Она сглотнула. Дориан напряженно подался вперед:

– Вы в порядке?

Талиса слабо улыбнулась.

– Грохот, – сказала беспомощно. – Крики, лязг металла, мечущиеся тени. Помню, как кто-то, торопливо, расспрашивал маму, громко повторял ее слова в рацию. Я видела лишь ноги – сильные, с хищно загнутыми перламутровыми когтями. Помню звук, когда они скребли по камням...

Она зажмурилась.

– Страшный вскоре ушел, но к нам приблизился другой, о чем-то спросил маму, выслушал ответ и, внезапно, опустил голову к самой земле, где пряталась я. «Талиса?», позвал он жестко. Я сжалась, но незнакомец протянул ко мне огромную, безразмерную лапу и вытащил из-под мамино крыла. Он спросил, правда ли, что я первой заметила Скитальца. И еще, не касалась ли я черных, дымных следов на траве...

Дориан вздрогнул всем телом.

– Следы Скитальца радиоактивны! К ним нельзя приближаться!

Талиса подняла голову:

– Он зло, – сказала очень тихо, глядя прямо в лицо Дориану. – Он зло. Вы чуть не погибли, спасая пассажиров горящего магнитоплана, и все равно счастливы – поскольку сумели спасти их всех. А Скиталец, это тот самый огонь, что почти дотла вас сжег. Неужели не понимаете? Скиталец не предвещает, а навлекает катастрофы. Он самый страшный ваш враг!

Дориан отпрянул.

– Что произошло с вами в детстве? – спросил после паузы.

Талиса напряженно отвернулась.

– Ничего.

– Вы сами заговорили о Скитальце...

– Я только спросила про следы.

– Талиса, в чем причина вашего гнева? – Дориан мягко улыбнулся. –

Успокойтесь. На самом деле, по мнению большинства ученых, Скитальца, как такового, вовсе не существует. Мы полагаем, это социально– физическое явление, то есть, результат коллективной работы тысяч разумов. Любая масштабная катастрофа чревата колоссальным напряжением эмоций, подлинным эмпатическим всплеском, а эмоциональные центры мозга, как считается, взаимодействуют с темной энергией. Но темная энергия обладает отрицательной метрикой, время в ней течет в обратном направлении, и мы начинаем видеть фигуру Скитальца еще до катастрофы – выплеск эмоций в будущем порождает зловещий мираж, зеркально отраженный в прошлое относительно точки возмущения...

Девушка втянула воздух сквозь раздувшиеся ноздри.

– Миражи не умеют говорить, – сказала она жестко. Ударила крыльями, взмыла навстречу небу и растворилась в закатном пламени.

Дориан догнал ее на большой высоте. Промчавшись рядом, взвихрил небольшой ураган, волчком завертевший легкую Талису, лег на крыло и заложил вираж. Девушка попыталась вернуть устойчивость полета, но Дориан пронесся вплотную, ухватил ее за руки, метнул ввысь. Снова догнал, обнял сзади за шею, поймал крыльевыми пальцами ее крылья, заставил уравнивать ритм взмахов. Она вскинула голову, дернулась, ощутив на плечах его мощные руки, приоткрыла пасть.

Начался Облачный Танец.

Глава 1

СКОШЕННЫЕ ВЕТРОМ, ВЫЖЖЕННЫЕ ПЛАМЕНЕМ,
ВТОПТАННЫЕ В ЗЕМЛЮ КОПЫТАМИ ЗЛА,
НА КОГО НАДЕЯЛИСЬ, ОТ ЧЕГО БЕЖАЛИ МЫ?
ОТЧЕГО ТАК ЧЕРЕН ДЕНЬ, А НОЧЬ ТАК БЕЛА?

«Мельница»

Воздух над грандиозным кратером Иллири отличался сухостью и особенным привкусом. Недавний самум запыллил многоэтажные стальные трибуны, раскаленный полуденным солнцем металл обжигал лапы. Под взмахами сотен тысяч крыльев, мельчайший красный песок висел в воздухе душным туманом; почти все дети, как и многие взрослые, носили яркие респираторы. Там и тут мелькали огоньки роботов, развозивших прохладительные напитки, в гомоне бесчисленных зрителей совершенно терялась музыка из громкоговорителей. Первенство планеты по гравиторью обещало быть жарким во всех смыслах.

Атлеты уже прилетели, и сейчас разминались на платформе в центре кратера. Зрителям они казались лишь разноцветными точками – столь необъятной была древняя рана планеты. К счастью, смонтированные вдоль трибун гигантские объемные экраны позволяли видеть кумиров в деталях.

А поглядеть на них стоило! Такого сильного состава на поле не помнили уже много десятилетий. Из двенадцати финалистов, четверо владели мировыми рекордами в разных инерциальных категориях, двое – в других видах спорта, а главной героиней, конечно, все загодя полагали Чайку: в отличие от большинства дисциплин, в гравиторье побеждали исключительно рефлексы и потрясающее, доведенное до немыслимого совершенства чувство полета. То есть, именно те области, где стремительные острокрылые девушки легко опережали могучих мужчин.

Последних, собственно, в дюжине финалистов набралось только двое – тех самых рекордсменов из другого спорта. Невысокий, худой и очень быстрый Каари, чемпион мира по фигурному полету, и его родной брат Тираар, столь же талантливый пловец. Специфика их увлечений оставила заметный след и на внешности: мускулистый, могучий Тираар весил вдвое больше жилистого брата и на голову превосходил его ростом. Тем удивительней казался его успех в гравиторье, спорте, где мускульная сила скорее вредила, чем помогала...

– Мам, мам, я не вижу! – возмутился серый дракончик лет восьми. Талиса, опомнившись, только сейчас заметила, что, высматривая вдали чемпионов, инстинктивно привстала и развела крылья.

– Прости, малыш, – она смущенно прижала гребень.

– А где папа? Он ведь должен быть там, рядом с Чайкой, да?! Я не вижу!

Талиса улыбнулась.

– Папа рядом, просто на экранах его не показывают.

Дракончик вскинул голову:

– Почему?!

Талиса ласково потрепала его по шее.

– Потому, что сегодня праздник атлетов, – объяснила. – Им помогает множество драконов, в том числе и папа, но это – их день, и они в центре внимания.

Недовольный малыш прижал уши и гребень.

– А почему папа тоже не атлет? Тогда его бы все считали героем...

– Твой папа и есть герой, – очень серьезно ответила Талиса. – Запомни это навсегда, Гранит. Твой отец – настоящий, истинный герой, а настоящим героям не требуются известность да почести. Только благодаря таким вот незаметным героям, день ото дня бесстрашно исполняющим свой долг, все это – она обвела лапкой кратер – стало возможным.

Дракончик, нахохлившись, обернулся крыльями и уложил мордочку на скрещенные крыльевые пальцы. А к Талисе обратил взгляд сидевший рядом высокий пурпурно– черный:

– Извините, – сказал он смущенно. – Я против воли расслышал ваши слова... Вы, случайно, не о командире Альфа– корпуса, что сегодня отвечает за безопасность?

Драконесса улыбнулась.

– Да, я подруга Дориана, а это его сын, Гранит.

– Так и знал! – обрадовался пурпурный. – Он вылитый отец! Даже цветом, хотя... Дориан, помнится, от природы был бронзовым...

Талиса рассмеялась.

– Мы с мужем решили закрепить его новую внешность в потомстве, вот и заказали малышу цвет в институте Сплетенных Крыльев.

– Ха! – обиженно буркнул дракончик. Талиса моргнула:

– В чем дело, малыш?

– Могли бы золотую чешую заказать, – пробормотал Гранит. – Я похож на летучую мышь.

Пурпурный расхохотался.

– Да уж, характер генетикам не изменить! – он встрепенулся: – Погоди– ка... – дракон снял с пояса сумку, некоторое время рылся в ней и, наконец, с торжественным видом, извлек на свет блестящее белое перо длиной почти в метр.

– Держи.

Гранит ахнул:

– Это мне?!

– Угу, – пурпурный весело подмигнул. – Самое настоящее, грифонье. Я нашел его на Аятте.

Пока счастливый дракончик разглядывал подарок, Талиса с легким удивлением склонила голову набок:

– Вы космонавт?

– Ох... – спохватившись, пурпурный вежливо коснулся груди: – Извините, я не представился: Кармин, пилот– межпланетник. Вожу грузы в колонию на Аятте. Мы с вашим мужем вместе служили в Краю Дремучих Трав, лет девять назад... Он, правда, тогда еще был капитаном третьего ранга.

– О! – Талиса радостно встопорщила гребень. – Помню, помню. Я сидела на гнезде, так он звонил каждый день, и каждый день спрашивал, не вылупился ли этот кусака, – она склонилась к сыну и нежно лизнула его в нос. Дракончик чихнул:

– Ма– ам!

– Прости, прости.

– Я уже не маленький!

– Маленьких на финал не берут, – подмигнул Кармин. Дракоша неуверенно улыбнулся:

– Спаси– и– бо...

– Тихо! – Талиса встрепенулась. – Начинается!

Ее голос был перекрыт могучим, знакомым всей планете звоном из динамиков. Мелодичный сигнал разнесся над гигантским кратером, моментально погасив гомон. Взгляды полумиллиона зрителей, как и десятков миллиардов телезрителей, обратились на экраны, где вращалось кольцо обратного отсчета.

– Башни, мам, смотри, башни! – Гранит завертел головой. Талиса строго ухватила его за крыло:

– Ты мешаешь другим, – шепнула. Смущенный дракончик притих.

Тем временем, из скрытых у подножья трибун люков, в небо и навстречу друг–другу устремились четыре колоссальные телескопические мачты. Раздвигаясь со скоростью пикирующего дракона, они быстро сошлись высоко над кратером, в ослепительной вспышке образовав непредставимого диаметра купол надо всей чашей. Призрачная дымка силового поля отгородила зрителей от арены.

– Друзья и подруги! – на экранах возникло улыбающееся лицо Чайки, действующей чемпионки мира. – Сегодня мне выпала честь открыть финальный этап мирового первенства, этап, где встречаются только самые искусные, самые талантливые, самые бесстрашные драконы нашей прекрасной планеты. Мы будем соревноваться в нулевой инерциальной категории – наиболее сложном и опасном виде спорта. Пять лет назад, мне посчастливилось одержать победу, но с тех пор новые атлеты набрали новые силы, и сегодня выяснится – хватит ли им смелости бросить мне вызов! – Чайка расхохоталась и, победно, вскинула к небу лапу с выпущенными когтями. – Так что расправьте крылья и воздайте нам ревом!!!

Земля ощутимо задрожала, когда сотни тысяч драконов последовали призыву. Гранит с криком зажал лапками уши, Талиса накрылась крылом. В центре кратера, звуковой удар взвихрил целую стену из песка, атлеты едва устояли на ногах.

– Да, да, вот так! – восторженно вскрикнула Чайка. Полуобернувшись к соперникам, она презрительно задрала хвост: – И они думают, что сумеют отобрать у меня все это?! Всех вас?! – мраморная драконесса раскинула миру объятия. – Пусть мечтают!!!

Прочие атлеты отозвались смехом и ехидными замечаниями. Не тратя время на споры, Чайка первой заняла место в своем ярко– белом болиде, пристегнулась, опустила на глаза дисплей. Ассистенты тщательно затянули ремни, помогли девушке ввести в горло шланг принудительной вентиляции легких, провели последнюю диагностику. Дымка силового поля зажглась втрое ярче, герметизируя чашу кратера.

Согласно многолетней традиции, старший механик пожал лапу пилоту и прикрепил к верхушке болида игрушечный моторчик с пропеллером. Обороты были отрегулированы таким образом, чтобы едва– едва компенсировать трение о воздух. Действующий чемпион всегда начинал финал с показательного полета, где

демонстрировал соперникам и зрителям свое мастерство, но стартовать с земли прямо на главных магнитных контурах было слишком непросто.

Впрочем, Чайка отлично знала, насколько она хороша, поэтому скромничать не собиралась. Дождавшись, пока болид неторопливо, словно мыльный пузырь, поднялся над платформой метров на триста, она отстрелила стартовый моторчик и завертела аппарат на месте с такой скоростью, что его очертания расплылись. Пораженные трибуны затаили дыхание.

Развив совершенно нереальную частоту оборотов, драконесса внезапно поставила блок справа, и лишенный инерции болид швырнуло влево со скоростью метеорита. Кольцо сверхзвуковой ударной волны громынуло над кратером, и земля вновь дрогнула, когда все зрители, как один, повернулись вослед аппарату. Тщетно; уследить за ним взглядом было не проще, чем за молнией.

Экраны показывали полет в многократно замедленной записи; было видно, как смазанный скоростью болид застывает у самого силового поля, с полного хода врезается в землю и остается неподвижен, ломая здравый смысл, ждущий, что аппарат отскочит под углом вверх, будто мяч. В полете болид ступенчато вращался – кроме Чайки, так поворачивать не умел ни один дракон в мире. Казалось, она была рождена во Вселенной без инерции.

Шокирующее выступление завершилось через минуту, когда драконесса провела самый сложный маневр из известных: филигранно рассчитав противоимпульс, она прямо в воздухе остановила болид со сверхзвуковой скорости, почти не промахнувшись мимо платформы. Аппарат завис на большой высоте.

– Присоединяйтесь! – слегка дрожащим голосом пригласила соперников Чайка.

Трибуны взвыли от восторга, ветер тысяч бьющих крыльев поднял вокруг силового кокона пыльную бурю. Внутри, конечно, поддерживался мертвый штиль – лишённые инерции болиды реагировали даже на давление света.

Талиса и Гранит тоже восторженно кричали, но пурпурно– черный Кармин был далек от веселья. Вскочив на ноги, он вцепился когтями в перила.

– У нее кружится голова, – напряженно произнес дракон. – Нарушена калибровка негатора.

Запнувшись, Талиса недоверчиво моргнула.

– Что?.. Но она же профессионал, она сразу почувствует...

– Она на таком взводе, что ей хвостом! – прорычал Кармин. – Простите, должен лететь... – он ударил крыльями и помчался к ближайшей операторской башенке.

На платформе, опытные атлеты и механики тоже заметили странность в голосе драконессы. Двое специалистов из команды Чайки синхронно ударили крыльями и взмыли над ареной, но приблизиться к болиду не смогли – поднятый их телами ветер отшвырнул машину в другой конец кратера. На лице Чайки, которую продолжали показывать все экраны, улыбка сменилась растерянностью.

– Кажется, у меня полонка... – пробормотала она с удивлением. Трибуны замерли, юный Гранит от волнения схватил мать за лапу. Ярко– белый аппарат Чайки парил совсем рядом с их местами, беспомощно вращаясь от малейших порывов ветра.

Талиса закусила губу. Поймать лишенный инерции болид было почти невозможно, его отшвырнула бы даже волна воздуха от протянутой к аппарату ладони. А выключить негатор – означало бросить привязанную ремнями драконессу на камни, с пятисот– шестисотметровой высоты. Большинство зрителей пока не осознало всю серьезность положения.

Между тем, Чайка в экранах сосредоточенно пыталась вернуть контроль над болидом.

– Димар, оба контура перегрелись, – сообщила она отрывисто, явно обращаясь к парившему кругами над платформой золотому дракону. – Я не могу двигаться. Похоже, негатор отказывается вычислять вектор компенсации.

Талиса ахнула, по трибунам промчалась волна криков ужаса. Неправильный вектор компенсации означал, что малейший сдвиг болида под действием внешней силы размажет несчастную Чайку по креслу тоненькой пленочкой – аппарат без инерции развивал с места практически бесконечное ускорение, то есть, столь же бесконечную перегрузку.

Драконесса в экранах прислушивалась к ответу.

– Я не могу снизиться... – пауза – ...сама знаю, но мне не расстегнуть ремни за секунду!... Нет, нет, ты спятил, какая подушка, меня раздавит даже если в сторону машины крылом махнуть! Вы там крыльями–то не размахивайте особо, кстати...

Гранит в страхе поднял взгляд на Талису:

– Мам, почему ее не спасают?! Почему не снимают силовое поле?!

Талиса дрожала.

– На арене должен быть полный штиль. Если поле хоть на мгновение ослабнет... – она застыла. В экранах, рядом с испуганной драконессой, появилось родное лицо Дориана.

– Чайка, я нахожусь на земле в непосредственной близости от вашего аппарата, – сообщил он отрывисто. – Выключайте негатор. Я подхватываю падающий болид и не дам вам разбиться.

Талиса оцепенела, Гранит широко раскрыл глаза. Растерянная Чайка беспомощно моргнула. Стиснула зубы:

– Командир, спасибо, но это невозможно. Дракон не способен летать с другим драконом в лапах, а тут еще и болид. Мы просто разобьемся вдвоем.

– Немедленно исполняйте приказ! – рявкнул Дориан. – Я владею особой техникой полета и сумею вас удержать. Ну! По счету три, ясно? Подтвердите!

Чайка с трудом кивнула.

– Подтверждаю...

– Раз! Два! Три!!!

Трибуны в ужасе ахнули, сотни тысяч драконов вскочили на ноги. Сверкающий белый аппарат на большой высоте дернулся и камнем рухнул к далекой арене.

Ему навстречу с земли рванулась серая молния. Талиса завопила от страха, Гранит вцепился ей в хвост. Не было вообще никаких шансов, что задуманное удастся – болид вместе с Чайкой весили как два взрослых дракона!

Тем не менее, Дориан сдаваться не собирался. Работая мышцами, словно отлично смазанная турбина, он успел перехватить падающую машину на высоте трехсот метров. Вцепился когтями в обшивку, распахнул крылья на всю длину – а затем сделал то, чего от взрослого дракона ожидать просто не могли.

Загнув левое крыло вниз, а правое – вверх, Дориан образовал из себя пятнадцатиметровый винт и бешено закрутился вместе с падающим аппаратом. Это была классическая игра драконят, «кленовое семечко», и побеждал в ней тот, кто дольше сопротивлялся головокружению.

Сейчас, правда, участникам трагедии было не до игр. Дориана вертело, будто

пропеллер, перед глазами все плыло. Он даже не сумел бы понять, упала ли скорость, и разбился бы вместе с Чайкой – если б потерпел неудачу.

Но его невозможный прием сработал. Авторотируя, словно терпящий бедствие вертолет, машина врезалась в землю с такой силой, что Чайка потеряла сознание, а Дориана отшвырнуло на двадцать метров. Однако это все равно была невероятная победа; оба дракона уцелели и даже не получили серьезных травм.

Когда к пострадавшим слетелись все, кто был на арене, и по громкой связи раздалось долгожданное «Живы!» – трибуны просто взорвались. Силовое поле отключили, в кратер с сиреной спикировал медицинский аэрокар, но этого не заметила даже Талиса.

Она вообще сейчас ничего не видела из-за застилавших глаза слез. Судорожно прижимая к себе сына, серебряная драконесса плакала от счастья и пережитого страха.

– Это твой папа... – шептала она ревущему малышу. – Видишь? Это твой папа...

Глава 2

В больнице пахло эфиром. Талиса и Гранит, заваленные цветами и поздравлениями выше рогов, устало разлеглись на ковре у дверей палаты, где оперировали Дориана. Все еще испуганный, но трепещущий от волнения и гордости за отца, дракончик разглядывал блестящий орден «Спасателя I степени», который Талисе только что вручили для передачи мужу.

Когда в коридоре появилась крупная серебряная драконесса, Гранит восторженно распахнул крылья, а Талиса моргнула:

– Мама? Что ты здесь делаешь?

Драконесса схватила ребенка на руки:

– Гранит, малыш! Как подрос-то!

– Бабушка Герта, папа сегодня спас Чайку!!! –завопил счастливый дракончик. –

Ему орден дали!!! Вот, смотри!

– Орден, хм? – драконесса перевела взгляд на дочь. – Как он?

Талиса беспомощно развела крыльями.

– Парочка сломанных ребер, ушибы, отбиты внутренности. От головокружения пострадал высотомер во внутреннем ухе, но это пройдет за пару недель. Могло быть хуже.

– О, да... – Герта нахмурилась. – Милочка, ты как, все еще не набралась храбрости с ним поговорить? Хочешь, я это сделаю?

Талиса отпрянула:

– Мама, только не начинай. Не сейчас, ладно?

– Он отец твоего ребенка и я не хочу, чтобы малыш рос сиротой.

– Мама, он просто делает свою работу. И делает лучше, чем кто бы то ни было.

– Папа герой! – счастливо вставил Гранит. Серебряная Герта лизнула его в нос.

– Малыш, поиграй пока во дворе? Нам с Талисой надо поговорить.

Дракончик покачал головой.

– Никуда я не полечу. Я уже взрослый. А папа не виноват, что он спасатель! Он таким вылутился, мне мама сказала!

Талиса невольно фыркнула, даже Герта сдержанно улыбнулась.

– Я просто хочу напомнить, что командующий Альфа– корпусом не должен сам, очертя хвост, бросаться рогами вперед в любую передрягу, – сурово сказала она. – Дочь, твой муж всего за десять лет сделал замечательную карьеру, но...

– Если б он отсиживался по кабинетам, командующим стал бы едва ли, – едко заметила Талиса. Герта вспыхнула:

– Это в который уже раз ты ожидаешь у дверей операционной, напомни?!

– В четвертый.

– Ты и в двадцать четвертый раз будешь молча ждать?!

– Буду, – спокойно ответила Талиса.

Они с матерью обменялись взглядами.

– Кстати, а не напомнишь, где сейчас ТВОЙ муж? – холодно поинтересовалась девушка. – И сколькими орденами он награжден?

Герта отпрянула.

– Не при ребенке... – прошипела злобно. Гранит встрепенулся:

– А я знаю про дедушку, – похвастался невинно. – Он к другой улетел, даже прежде, чем мама вылупилась. Только я их не видел, совсем никогда. Все голограммы сгорели в пожаре.

Герта хотела уже взвиться, как кобра, но последнее слово дракончика ее буквально заморозило:

– Пожар?! – серебряная драконесса отпрянула. – У вас случился пожар?!

Гранит широко раскрыл глазки:

– А ты не знаешь?! В тот день...

– Тихо, малыш, – оборвала Талиса. – Это не надо рассказывать бабушке.

Герта прожгла дочь взглядом насквозь, вместе с каменной стеной, шестьдесятю километрами планетарной коры и тысячами километров мантии.

– И много еще есть сюрпризов, о которых мне рассказывать не надо?

– Вполне достаточно, – заверила мать Талиса.

На какое-то время повисла тишина.

– Я мчалась с другого конца мира проведать дочь, у которой случилось несчастье, и вот, что я получаю взамен.

– Когда ты поймешь, что у меня собственная жизнь, где давным-давно нет места твоим «правилам», у нас в семье воцарится гармония и радость.

Герта стиснула зубы. Помолчала, нервно помахивая хвостом.

– Эта авантюристка, Чайка, как она? – спросила, наконец, явно желая сменить тему.

Талиса вздохнула.

– Ей досталось куда меньше, спасли ремни да корпус машины. Лежит в соседней палате, набирается сил.

– Чайка пригласила нас в гости! – выпалил Гранит. – Обещала подарить мне свой первый болид!

– Что-о-о?!.. – начала было Герта, но ее прервала открывшаяся дверь палаты. Вышел главный врач.

– Процедуры успешно окончены. Он хочет вас видеть, – с улыбкой сказал Талисе. Девушка вскочила с ковра.

– Ма– ам? – Гранит тревожно приспустил крылья. – А я?!

– Побудь пока с бабушкой, малыш, – Талиса нежно лизнула сына в нос. – Я позову, как только папа будет готов. Договорились?

– Ма– ам!

– Сынок, прошу. Пару минут, ладно?

Гранит обиженно хмыкнул. Герта подняла его на руки и зашагала к дверям во внутренний сад больницы, а Талиса, глубоко вдохнув, вошла в палату.

Дориан лежал на гелевой подстилке, его грудь была туго забинтована, на левом роге блестел аппарат ультразвукового прогрева. При виде подруги, дракон виновато улыбнулся.

– Прости, напугал...

Талиса молча встала рядом. Придирчиво осмотрела мужа, обнюхала, провела ладонью по гриве. Дориан смущенно моргнул:

– Что? – он оглядел себя. – Все на месте, вроде...

Талиса, вздрогнув, внезапно подалась вперед и обняла дракона крыльями, судорожно прижалась всем телом. Дориан, на мгновение опешив, сглотнул:

– Ну, ну... – он ласково лизнул подругу в нос. – Все хорошо, любимая. Я здесь.

Талиса всхлипнула.

– Так больше не может продолжаться, – выдавила хриплым шепотом. – В следующий раз я не выдержу. Милый, пожалуйста. Вспомни о сыне.

Дориан очень серьезно посмотрел ей в глаза.

– Я помню, – отозвался тихо. – И о тебе я помню каждый миг, каждый удар сердца, любимая. Вы смысл моей жизни. Все, что я делаю – ради вас.

– Неужели нельзя было спасти эту... Чайку... без риска?!

Дракон беспомощно улыбнулся.

– Родная, в такие минуты надо действовать, а не строить планы.

– Но почему ты?! Почему не... – Талиса запнулась. – Кто-нибудь... Другой...

– Потому, что это мой долг, – нежно отозвался Дориан. – И кто бы ни оказался на моем месте – всегда найдется любящая его драконесса, которая спросит: почему ты.

Талиса опустила голову. Долго молчала.

– Держи, – она протянула мужу орден. Удивленный дракон моргнул:

– Вот те раз!

– Не ожидал?

– Я просто выполнял свою работу...

– Не просто, – сухо отозвалась девушка.

Они посмотрели друг на друга.

– А помнишь, как я в прошлый раз угодил в больницу? – неожиданно спросил Дориан. Талиса вздрогнула:

– Еще бы...

– Ты в тот день сказала – пусть лучше спрашивают, почему дракону не дали орден, чем почему дали, – он тихо рассмеялся. Девушка вздохнула:

– Уж лучше б ты поменьше создавал поводов к награждению, – она печально опустила голову. Дориан еще разок лизнул подругу в нос и аккуратно приколот орден к бинтам на груди.

– Красиво? – он подмигнул. Талиса слабо фыркнула.

– Белый тебе не идет.

– Серый с белым, самое благородное сочетание!

– Правда? – она прищурила глаза. – А я думала, серый с серебряным.

Дориан рассмеялся и стиснул жену в объятиях.

– Серый с серебряным давно стали одним, – отозвался ласково. – Где малыш?

Она неопределенно махнула крылом.

– С бабушкой.

– О! Сюрприз за сюрпризом, – морщась от боли в груди, Дориан встал на ноги и потянулся, вытянув хвост в струнку. – А– а– ах...

– Совсем спятил?! – всполошилась Талиса. – Ложись немедленно!

– Вот еще, – дракон фыркнул. – Подумаешь, парочка ребер. Бывало и хуже. Хочу подышать воздухом, эта больничная вонь кого угодно в могилу сведет!

Талиса невольно улыбнулась. Они с мужем вышли на широкий балкон, нависавший над километровым каньоном Даррака. Время близилось к полуночи; мириады звезд словно отражались в бесчисленных огнях на склонах каньона, создавая невероятную иллюзию зеркальной водной глади. Вертикальный город Даррак считался один из красивейших драконьих поселений.

– Какая луна, ты погляди... – прошептала Талиса, опуская голову на плечо Дориана. Тот восхищенно приоткрыл пасть. Луна в высоте и впрямь казалась сверкающим бриллиантом, ее серебряный свет заливал каньон. Грандиозный, величественный ночной город был столь прекрасен, что у обоих драконов перехватило дыхание. Обняв подругу крылом, Дориан привлек ее ближе.

– Обещай мне, – сказала она тихо. – Поклянись прямо сейчас, здесь, под этой волшебной луной, что будешь жить вечно и никогда нас не бросишь.

Дориан тепло улыбнулся.

– Клянусь.

– Без шуток?

– Без шуток, – он с бесконечной любовью потерся носом о нос подруги. – Я клянусь, что буду вечно о вас заботиться, хранить и беречь.

– И никогда не бросишь, – с напряжением добавила Талиса.

Дориан поцеловал ее в губы.

– И никогда не брошу.

Драконесса тяжело вздохнула и уложила голову ему на плечо. Некоторое время они стояли молча, в полной тишине, и смотрели как сверкавшая в высоте луна разгорается все ярче.

Дориан с легким недоумением прищурил глаза.

– Что-то не так, – прошептал он растеряно.

Талиса вздрогнула.

– Не сейчас. Не сейчас, любимый.

– погоди минутку, родная моя, прошу... – дракон напрягся, у него участился пульс. – Луна не может светить так ярко.

Он огляделся:

– Терминал. Где сетевой терминал?!

– На стене... – растеряно отозвалась Талиса. Дориан, нервно дергая хвостом, подбежал к хромированному аппарату и ударил по сенсору. В большом матовом экране вспыхнула объемная картинка.

Ахнув, Талиса судорожно вцепилась когтями в ковер, Дориан стиснул зубы. Терминал показывал дергающееся, смазанное, снятое очень длиннофокусным

объективом изображение, но даже такого хватило обоим драконам, чтобы мгновенно узнать сюжет.

– ...неизвестно, как давно произошла манифестация объекта, прежде, чем он попал в поле зрения камеры. На орбите до сих пор не было позитронных детекторов, поскольку Скитальца еще ни разу не встречали за пределами атмосферы. К несчастью, именно в эти минуты командующий Альфа– корпусом находится в больнице после героического спасения гонимой Чайки, управление ситуацией временно взял на себя доминатор Маав. По его словам, в районе появления Скитальца отсутствуют населенные пункты, что заставляет с тревогой задуматься, о чем нас пытается предостеречь зловещий буревестник. Уже инициирован полномасштабный поиск астероидов, поступают сообщения о подготовке мега– лазера «Сол– 1». Тем временем, аномальная солнечная активность превысила исторические рекорды, наблюдается почти полное отсутствие пятен и множество корональных возмущений. Жара заставляет драконов искать укрытия в водоемах и под деревьями. До сих пор неясно, какова связь между необычайно интенсивной солнечной бурей и появлением Скитальца, но, если верны наихудшие опасения, нас может ждать катастрофа глобального масштаба... – экран моргнул и потух. Потрясенный Дориан оглянулся на ослепительно– яркую луну:

– Солнечная вспышка! – крикнул он в ужасе.

Талиса зашипела от страха, но Дориан схватил ее за плечи:

– Бери ребенка и мать, летите в город! Там есть укрытия! Не теряй времени, мчись!

– А ты... А как же...

– Я скоро! – крикнул он, распахивая гремящие крылья. – Предупреди врачей об опасности, пусть эвакуируют больницу, а сама лети в укрытие, слышишь?! Ждите меня там! Лети! Лети!!! – дракон бросился к дверям и, прямо с балкона, прыгнул в разгорающееся недобрым огнем небо.

Талиса послушалась; страх за ребенка почти лишил ее разума. В городе царил паника, но небольшая группа офицеров Альфа– корпуса стремительно наводила порядок. Места в убежищах для всех хватить не могло, сотни драконов лихорадочно возводили перед домами импровизированные щиты от радиации, копали брустверы

против жгущих ураганов. Талиса отнесла плачущего Гранита в бункер, а сама, вместе с Гертой, включилась в работу. Это помогло немного обуздать ужас.

Потом были жуткие огненные дни и душные ночи, изматывающая борьба за жизнь и крохотные, мучительные минуты наедине с сыном. Час за часом, месяц за месяцем она ждала, чувствуя, как сердце покрывается золой.

Дориан не вернулся.

Глава 3

Яростно– злобный оскал зари щерился от горизонта до горизонта, источая невыносимый жар, плавя небо безумным огнем. Гуорган сидел на шкуре у своей юрты, глядел, как рядом весело копошатся дети, и думал что для них – для всех, рожденных после огнепада – мир взбесившегося Солнца был единственным известным им миром. В племени только сам Гуорган, да еще одна старуха помнили, как прежде выглядело небо.

Пожилой охотник смотрел на разгорающийся за горами рассвет. Сегодня ночью, первые в году снежинки припорошили землю. Когда–то приход зимы отмечался плясками у костра, женщины красили перья огненной охрой, мужчины потрясали топорами и копьями, кричали, надеясь спугнуть приближающиеся морозы. Все мертво, подумал Гуорган. Он слишком стар. Новому миру требуется новый вождь.

Оглянулся на большую юрту в центре стойбища. Там жил один из его правнуков – резвый, выносливый и сильный Эгенгек. С тех пор, как юношу забрали у женщин, никто не приносил с охоты столько мяса.

Время пришло, понял старик. Глубоко вздохнув, он, все еще пружинисто, вскочил на ноги. Обычай требовал волочить задние лапы по снегу, но создавшие обычай праотцы не догадывались, что снег может исчезнуть...

Молча пройдя вдоль всего стойбища, Гуорган подошел к юрте Эгенгека и сел у полога, расстелив по земле крылья.

Пожилого охотника быстро заметили. Вскоре все племя столпилось поодаль, дети и воины ждали, женщины прятались за спинами мужчин. Отметим– таки приход зимы, со слабой радостью подумал Гуорган.

Эгенгек долго не появлялся, хотя его жены, то и дело, робко выглядывали из юрты. Наконец, шкура откинулась, и молодой охотник предстал перед соплеменниками в боевой раскраске, с желтыми полосами по перьям и топором на перевязи. Все молча смотрели, как он подошел к Гуоргану, рывком сгреб в горсть его седые кисточки и умело, круговым взмахом, отсек их почти начисто, даже не поцарапав ушей.

– Память праотца у тебя, – спокойно сказал Гуорган. – Ты новый вождь.

Эгенгек тяжело дышал, его перья стояли дыбом от возбуждения. С трудом придя в себя, он посыпал голову отсеченными волосами и, бросив топор, опустился на землю перед стариком.

– Я силен, отважен и быстр! – громко крикнул Эгенгек. – Все знают!

– Все знают, – отозвался Гуорган.

– Я вождь, но памяти праотца нужно время, чтобы перейти из твоей головы в мою, – с уважением сказал молодой охотник. Гуорган кивнул.

– Будет плохая зима, – произнес он мрачно. – Я знаю.

– Долгий день... – прошептал Эгенгек. Старый охотник тяжело вздохнул.

– Долгий день. Скоро взбесившееся Солнце перестанет опускаться за горы, ночи уже светлеют. Долгий день гонит прочь морозы, ловит и душит ветры. Мамонты задыхаются, олени стонут, но все боятся злого Солнца, даже Небесные Рыбы боятся. Я знаю.

– Плохой год! – в отчаянии крикнул Эгенгек. – Плохая зима!

– Плохая, – сурово отозвался Гуорган. – Я отдал память праотца. Ты силен и вынослив. Этой зимой, молодость и горячая кровь будут важнее опыта.

Эгенгек напряженно подался вперед:

– Что надо делать?

Старик молчал. Царила хрустальная предрассветная тишина. Безветрие позволяло снежинкам с неземной легкостью парить в воздухе, и внезапно Эгенгек подумал – они похожи на ключья седых волос. Зима принимала память предков у осени...

– Слушай внимательно, – сказал Гуорган после долгой паузы. – Я летал за горы. Давно– давно, когда Небесные Рыбы только появились, в первый год сумасшедшего

Солнца. Твой дед еще не родился тогда. Была плохая зима, стада ушли, голодные мамонты топтали стойбища... Эта зима будет еще хуже, но –за горами я видел странное.

Гуорган взглянул на небо. Следом за стариком, головы невольно подняли все охотники.

– Я видел пещеру низколобых, где жил только один самец, две самки и несколько детенышей, – негромко произнес Гуорган. – Бескрылый не прокормил бы семью в такую плохую зиму. Я не понимал, как они выжили. Стал следить. Они не ходили на охоту.

– Не ходили?! – воскликнул Эгенгек.

– Их подкармливали Небесные Рыбы.

Все отшатнулись, Эгенгек невольно распушил воротник перьев. Несколько женщин в страхе бросились прочь.

– Подкармливали? – медленно переспросил юный вождь.

– Как мы кормим псов.

Эгенгек издал яростный вопль и вскочил на ноги, его крик подхватили охотники.

– Грязные низколобые!!! – молодой вождь в бешенстве цапнул клювом ни в чем неповинную юрту, клюнул еще раз, и еще, рассекая прочные шкуры. Из прорех потянулся ароматный дымок – над костром жарили птицу. Хрипло дыша, Эгенгек отступил.

– Грязные низколобые... – прорычал он с ненавистью и тоской. Гуорган помолчал.

– Тем днем, Небесные Рыбы поймали меня и отвезли к устью Даны, в их стойбище. Мне не причинили вреда и скоропустили.

Эгенгек отшатнулся:

– Ты был в плену!

– Был.

– И не сказал?!

– Теперь сказал.

Юный вождь запнулся и, озадаченно, почесал живот. Гуорган щелкнул клювом.

– Я говорил с вождем Небесных Рыб. Спрашивал, зачем они вешают в небе яркие пятна, если Солнце и так убивает холод. Он сказал, это не их вина, что становится все жарче. Небесные Рыбы готовятся к далекому походу, собирают припасы и смолят лодки – говорят, Солнце может лопнуть...

– Лопнуть?! – недоверчиво переспросил Эгенгек.

– Со злости, – мрачно отозвался старик.

Охотники посмотрели друг на друга.

– Небесные Рыбы думают забрать с собой всех нас, каждое племя, – жестко произнес Гуорган, – В новые земли, под новое Солнце. Их вождь говорил: трижды вырастут твои птенцы, Гуорган, прежде чем настанет пора улетать, но даже мудрецы не ведают, как долго продлится путь... – старик опустил голову. – Ты мой правнук, и вот, ты вырос.

Эгенгек ударил себя хвостом:

– Мы прогоним Небесных Рыб!

– Они не злые, – хмуро возразил старый охотник. – Они верят, что спасают всех нас. Если попросить, они дадут много еды, ничего не требуя взамен. Как низколобым. Я знаю. Скажи, Эгенгек, должны ли мы так поступить?

Юный вождь, содрогнувшись, рывком вскинул топор:

– Нет!

– Почему? – сурово спросил старик. – Будет плохая зима. Много детей умрет, много женщин умрет. Племя ослабнет.

– Но это... Это... Позор!!!

– Позор? – Гуорган жестко качнул головой. – Кого волнует гордость, когда речь о выживании детей? Думай дальше.

Эгенгек щелкнул клювом:

– Моя голова пуста!

Старый охотник кивнул:

– Как вывернутый наизнанку желудок, но ты чувствуешь, нутром понимаешь – мы не должны просить Небесных Рыб о помощи. Сказать, почему? – он жарко подался вперед. – Мы все помним, как волки стали собаками, да, Эгенгек?

Повисла мертвая тишина. Перья молодого вождя вздыбились, зрачки

расширились. Гуорган царапнул землю когтями.

– Если этой зимой мы возьмем у них еду, следующей зимой мы возьмем больше. Потому что легко. Потому что сытно. Без риска. Без крови. Через пять зим, мы перенесем стойбище к их стоянке, чтобы не летать далеко за подачками. Через десять зим – перестанем охотиться. Через двадцать разучимся. Нас приручат, Эгенгек. Сегодня мы волки. Завтра... – он опустил голову и умолк. Напряженную тишину разрывало лишь тяжелое, хрипловатое дыхание взбешенных воинов.

– Ты говоришь мудро, – выдавил, наконец, Эгенгек после долгого молчания. – Праотец гордится тобой. Мы переживем плохую зиму, вытерпим любой голод. Мы останемся свободны.

Гуорган вздохнул.

– Посмотри вверх.

Все, невольно, подняли головы. Старый охотник закрыл глаза.

– Мир не станет прежним, – сказал он глухо. – Раньше уже бывали плохие зимы. Очень плохие. Мы мерзли, голодали. Многие гибли. Но даже в самый страшный, жестокий мороз, нас согревало предвкушение весны. Мы твердо знали – зимы не длятся вечно.

Гуорган скрипнул клювом.

– Мы ошибались.

Эгенгек в страхе посмотрел на старика.

– Так что же... Бороться бессмысленно?!

– Дурак! – резко бросил Гуорган. – Мир меняется, но мы будем готовы. Злое Солнце прогонит зиму – что ж, мы научимся выживать летом. Оно задушит ветры, а мы взрастим новые, там, за перевалами, где не тают снега!

Он встал и сильно, до боли, схватил Эгенгека за крыло.

– Вот, что я скажу: этой ночью на охоту полетят все мужчины, и каждый поймает оленя живым, поровну сокжоев да важенок, а женщины заготовят много травы, чтобы кормить зверей. Мы отправимся в горы, куда не поднимаются стада, мы построим прочное стойбище и, навсегда, поселимся в нем. Зимы уйдут, стада исчезнут, но у нас будет еда.

Все с изумлением уставились на Гуоргана. Озадаченный Эгенгек почесал

живот.

– Но... Так даже праотцы не делали...

– Праотцы жили в другом мире! – резко ответил старик. – Они завещали нам беречь племя и выживать любой ценой. Ты новый вождь. Ты в ответе за каждого здесь, – он обвел лапой испуганных пернатых.

Пораженный и растерянный, Эгенгек медленно кивнул. Гуорган поднял глаза к небу. Там, зловеще переливаясь, от горизонта до горизонта сияла огненная заря.

– Это мои последние слова, – произнес он глухо. – Завтра я полечу к устью Даны, в стойбище Небесных Рыб. Они не должны знать, куда улетело племя, не должны искать нашу новую родину. Я отвлеку их внимание, останусь там навсегда и, до последнего вдоха, буду вас защищать...

Все было сказано. Первые снежинки, будто крошечные клочья седых волос, беззвучно порхали в холодном и удивительно чистом воздухе; с высоты на стойбище взирали неподвижные яркие пятнышки, что Небесные Рыбы вешали по ночам.

Неподвижные? Эгенгек и другие охотники были слишком подавлены словами Гуоргана, чтобы смотреть вверх, иначе заметили бы, как с юго– востока к цепочке огней приближается еще одна, тускло– сиреневая звездочка.

Окутанный дико мечущимися сполохами плазмы, космический корабль сбрасывал скорость. Делал он это с такой интенсивностью, что если б негаторы инерции отказали хоть на мгновение, корабль полыхнул бы в десятки раз ярче злобного Солнца.

На борту, помимо сотен тысяч тонн грузов, находилось лишь двое живых существ. Одно из них сейчас стояло у иллюминатора, глядя на приближающуюся планету сквозь плазменную вуаль. Поглощенное космическим пейзажем, оно не слышало звука раздвигающихся за спиной дверей.

– У тебя сильные крылья?

Вопрос застал Гранита врасплох; дернувшись от неожиданности, он обернулся.

– Кармин?

– Просто интересуюсь.

Слегка озадаченный, могучий серый дракон распустил крылья и отвел боковые пальцы, натянув перепонку.

– Думаю, вполне нормальные... В чем дело?

– Ты вымахал в очень крупного парня, – пояснил космонавт. – Это плохо. Сила тяжести здесь процентов на тридцать выше, чем дома, а воздух, хоть и пригоден для дыхания, содержит мало кислорода.

Он смерил взглядом мощные, бугрящиеся мышцами плечи своего единственного пассажира.

– Давление высокое, но задыхаешься, как в стратосфере. И столь же холодно. Обледенение наступает на третьей минуте, на четвертой ты потеряешь сознание от кислородного голодания, на двадцатой – если не разбился на пятой – умрешь от переохлаждения.

Гранит с сомнением прищурил глаза и вновь сложил крылья на спине.

– Я думал, в колонии поддерживается микроклимат.

– Поддерживается, – отозвался Кармин. – Но речь о безопасности. Знание условий за бортом поможет уцелеть в случае аварии.

Гранит удивленно моргнул.

– Аварии? Если негаторы откажут, корабль рванет так, что с планеты сдует атмосферу!

– У флотских есть поговорка, – спокойно возразил Кармин. – Не спи, коли хочешь проснуться. Отныне ты в чуждом мире, это следует помнить день и ночь, каждый миг, постоянно. Все твои навыки, инстинкты, все, что природа оттачивала миллионы лет – здесь неприменимо.

Он подошел к иллюминатору и несколько секунд, молча, смотрел на паривший в пустоте, изумительно красивый серо–голубой шар. С этого ракурса, окружавшее Аятту пылевое кольцо казалось призрачной, полной света вуалью, где бриллиантовыми россыпями сияли бесчисленные огни космических станций. Главную платформу, на которой возводилась «Надежда», отсюда видно не было; грандиозный звездолет обладал столь колоссальной массой, что вызвал бы в мантии планеты приливные волны, способные расколоть кору и отравить атмосферу вулканами. Стройка велась в третьей лагранжевой точке, между орбитами Гаммы и Аятты.

Космонавт покосился на серого дракона. Со вздохом, легонько развел крыльями:

– Жаль, мои советы не пригодятся.

– Не пригодятся? – переспросил Гранит.

– Увы... – Кармин сокрушенно покачал головой. – Покидать периметр строго запрещено, грифоны нас боятся. А где страх, там и агрессия. Они слишком примитивны, чтобы осознать саму концепцию угрозы от Солнца – в их замерзающем мире, оно владыка Света и верный друг... А мы, вдобавок, и внешне кардинально отличаемся, обладаем внушительным арсеналом клыков да когтей. Пройдут столетия, прежде чем аборигены научатся не воспринимать нас зверьми. Жаль, нет у нас этих столетий...

Гранит усмехнулся.

– Я сюда не отдыхать лечу.

– Да, я в курсе... – космонавт прищурил яркие синие глаза. – Ты действительно веришь, что Скитальца можно поймать?

– Скоро узнаем, – сухо отозвался Гранит.

– Его ни разу не встречали на Аятте, – заметил Кармин. – А дома он не появлялся уже... Сколько? Пятьдесят лет?..

– Пятьдесят шесть, – последовал жесткий ответ.

– Тем более! Да, у грифонов Аятты есть легенды о существе, чем-то сходном со Скитальцем, но это же наивно, рассчитывать, будто их пернатые шаманы знают о нем больше нас!

Гранит покачал головой.

– Мы вообще ничего о нем не знаем. Любая информация бесценна, пусть даже она исходит от дикарей. Сам факт наличия на Аятте подобных легенд, уже переворачивает с рогов на хвосты все наши многомудрые теории – Скиталец превращается из некоего психотропного миража во вполне материальный межпланетный феномен.

– Но не слишком ли самонадеянно верить, будто именно здесь, в колонии, где его попросту вообще никогда не видели, призрака удастся поймать?

Гранит усмехнулся.

– Драконы не так уж и давно обосновались на Аятте, – он кивнул на сиявшую за иллюминаторами планету. – Аборигены слагали истории о темных духах задолго до первого контакта. Ты в курсе, что Скиталец никогда не предсказывал техногенные

катастрофы? Он появляется лишь там, где должна случиться природная. Догадываешься, в чем причина подобной избирательности?

Кармин в недоумении расправил гребень:

– Сдаюсь...

– Все очень просто, – Гранит хлестнул себя хвостом. – Природные катастрофы независимы от результатов предсказаний. Успеем ли мы эвакуировать город, либо его засыплет раскаленным пеплом вместе со всеми жителями – это никак не повлияет на следующее извержение вулкана.

Он рывком подался вперед.

– Но если жителей эвакуировали, им потребуется временное жилье, прежде чем построят новый город. И беженцев разместят в ближайшей экозоне, где без них, ни одна живая душа не появилась бы годами. Один из спасенных обнаружит поломку в главном реакторе, сообщит ремонтникам, машину быстро починят... И через месяц она не взорвется. Благодаря Скитальцу. Любая предотвращенная катастрофа меняет карту всех будущих катаклизмов!

Космонавт отпрянул:

– Так ты полагаешь...

– Он не знает, – жестко оборвал Гранит. – Первая же остановленная им авария, столетия назад, мгновенно отменила известное ему будущее, лишила возможности продолжать. С тех пор он способен предсказывать лишь ураганы да землетрясения.

Кармин помолчал.

– Любопытная теория. Стало быть, ты думаешь, что Скиталец – путешественник во времени?

– Безусловно.

– И как это поможет его изловить на замерзающей пустынной планете в миллионах километров от места его последнего появления?

Гранит нехорошо улыбнулся.

– Я охотник. Положусь на инстинкты, – он царапнул когтями пол. Космонавт легонько вздрогнул.

– Ты избрал не лучшую профессию...

Гранит зло прижал уши:

– С тех пор, как исчез отец, у меня заметно сместились приоритеты, – он скрипнул зубами.

– Твой отец был главой Альфа– корпуса и рисковал по собственной воле, – возразил Кармин. – Он истинный, прирожденный герой, из тех, кто собственную жизнь воспринимает лишь как очередной инструмент для следования долгу. Поймав Скитальца, его не вернешь...

– Мне на Скитальца хвостом, – глухо произнес Гранит. – Я охочусь не за призраком, а за машиной времени, которой он пользуется. Я поклялся матери, что долечу до края Вселенной, если потребуется, но отыщу отца.

Он клацнул челюстями.

– Сменим тему. Я не люблю обсуждать свое... детство. Ты сказал, покидать территорию базы запрещено? Но мне необходимо посетить несколько фигурирующих в грифоньих легендах мест, в том числе, одно вблизи южного полюса!

Космонавт вздохнул.

– Глупая это затея, по– моему... Впрочем, я лишь доставляю грузы. Думаю, руководство позаботится о предоставлении тебе аэрокара и проводника. Кстати, – он усмехнулся, – Если еще помнишь Чайку, известную до вспышки гонщицу – в колонии она заведует транспортом.

– Правда? – Гранит улыбнулся. – Когда–то она обещала подарить мне болид...

Кармин вскинул крылья:

– Даже не заикайся при ней о гонках! Со дня, как твой отец ее спас, она ненавидит спорт. Скажешь не то слово – попрощаешься с аэрокаром.

– Ясно...

Кармин встряхнулся.

– А сейчас, собственно, зачем я пришел: пройди в карантинный отсек. До стыковки десять часов, это время лучше потратить на дезинфекцию.

Гранит отрывисто кивнул и, следом за космонавтом, вышел из каюты.

Глава 4

– Простите за непогоду. Мы пересекаем аграрный пояс, здесь всегда грозы.

Талиса указала на нестерпимо сверкавшую вдали огненную линию гор.

– За граничным валом атмосферное давление так мало, что дышать не могут даже растения. Там, до горизонта, тянутся солнечные фермы, производящие энергию для терраформеров, а также радиаторы теплообменников, не позволяющих океанам на дневной стороне закипать.

Талиса вздохнула. Движение воздуха всколыхнуло невесомый сиреневый пух на браслете, украшавшем ее запястье. Изящные, граненные совершенством губы тронула грустная улыбка.

– У нас было много лет, чтобы приспособиться, но экология планеты разрушена. Взбесившееся Солнце не оставило ни единого уголка, где сохранился бы изначальный климат. Орбитальные щиты, уменьшающие поток излучения, работают лишь в видимом диапазоне; от жара закрыться нечем... Экватор затянут горячим туманом, леса давно выгорели. Из-за чудовищной влажности, по всей планете непрерывно льют дожди, города в низинах стали болотами. Почти все животные вымерли, от них остались лишь замороженные эмбрионы в биозапасниках. Растения пока удается сохранять, но уровень кислорода падает непрерывно – скоро придется накрывать города куполами или уходить под землю... – голос Талисы дрогнул.

– Под землю! – прошептала она, не в силах отвести взгляд от слепяще- яркой изломанной линии гор за иллюминаторами. – В этот день мы вымерем.

Опустив голову, Талиса несколько секунд сидела молча и глубоко дышала. С трудом улыбнулась, провела пальцами по гриве – искрящейся, темно- лиловой.

– Простите. Увлелась. Сменим тему! – она развернула кресло к парившей в воздухе голографической приборной панели. Украшавший ее лоб сенсорный интерфейс, стилизованный под диадему, озарился неярким оранжевым светом.

– Обратите внимание на купол справа, видите – там, на берегу? – Талиса снизила скорость и дала аэрокару боковой крен, чтобы улучшить обзор. – Это крупная фабрика биомассы, из тех, о которых вы спрашивали.

Машина мчалась у самой кромки туч, пронзая отдельные серые лоскуты; точка, пылинка под уходящим за горизонт, набухшим влагой опрокинутым океаном.

– Фабрики этого типа полностью автономны, – пояснила Талиса, стараясь

сохранять бодрый вид. – Они не только управляются роботами, но и самостоятельно добывают ресурсы, устраняют поломки, модернизируют оборудование, исследуют пути повышения собственной эффективности. По сути, каждый такой комплекс представляет собой крохотную планету с независимой и самодостаточной экологией.

Талиса запнулась.

– Я часто думаю, что для машин ничего не изменится, когда мы все исчезнем. Автономные фабрики и энергостанции, метеоформеры и теплообменники, все они будут функционировать даже спустя тысячелетия после испарения остатков атмосферы. Опустеют долины и устья рек, смолкнут звенящие травы Акката... Жизнь оборвется! Но автомат не заметит, что в вихрящихся тучах более не реют разноцветные крылья, некому исполнять Облачный Танец, встречать рассвет смехом!

Талиса умолкла и, пару мгновений, молча, мрачно, глядела на фабрику внизу.

– Никто не заметит, как погибнет рассвет... Впрочем, вам, наверно, мои мысли кажутся банальными, – спохватилась она. – Простите.

За темным забралом шлема было не разобрать выражения лица инопланетянина. В гостевом центре, Талиса уже видела пришельцев без скафандров и знала, что «лица» у них есть, в каком-то смысле даже красивые; но чуждая мимика и психология делала общение непростым делом даже для специалистов.

– Я не считаю ваши мысли банальными, – прожужжал голосовой транслятор на плече инопланетянина.

– Правда? Спасибо... – Талиса улыбнулась. – А можно вопрос?

– Спрашивайте.

– Вы не жалеете, что прилетели?

В салоне на миг воцарилась неловкая тишина.

– Поясните вопрос, – заметил инопланетянин после паузы. Голосовой транслятор не передавал эмоций.

Талиса грациозно перебрала сверкающими радужными крыльями.

– Вы провели в анабиозе много лет. Дома, на вашей планете, сменилось не менее шести поколений, и сменится еще шесть прежде, чем вы вернетесь...

– Такова реальность полетов к звездам, – ровно отозвался гость.

– Но в чем смысл экспедиции? – негромко спросила Талиса. – Ведь ко времени

возвращения звездолета, все добытые вами знания устареют даже не на годы, а на столетия!

– Устареют относительно чего? – возразил пришелец. – Мы познаем Вселенную каждый миг, в каждой ее точке. Здесь и сейчас.

Девушка покачала граненной головой. Янтарные глаза полыхнули.

– Все усилия моей цивилизации сейчас сконцентрированы на постройке «Надежды». Титанический корабль понесет к новым звездам всех, без исключения, жителей нашего гибнущего мира, от моллюсков до драконов, и даже захватит обитателей соседней планеты. Но, хотя путь будет длиться сотни веков, мы не потратим зря ни единой минуты, никому не придется стареть в ожидании нашего возвращения: родина отправляется к звездам вместе с нами! Я думаю, лишь так возможно смириться с невыносимо медленными, бессмысленными космическими путешествиями длиной в жизнь...

В дымчато– сером зеркальном забрале инопланетянина, прекрасное лицо Талисы отражалось исковерканной маской рептилии.

– В слово «родина» вы вкладываете неправильный смысл, – прожужжал транслятор. – «Родина» для вас эквивалентна пространственной локации. Но великое открытие, совершенное в далеком космосе, не станет менее великим, даже если исследователь никогда не вернется, чтобы о нем рассказать. Сама потребность делиться информацией со стадом заложена в ваших инстинктах, поскольку вы – активно– социальный вид. Не следует экстраполировать особенности собственной психики на чуждые расы.

Талиса бросила на собеседника слегка удивленный взгляд. Помедлив, покачала головой.

– Ошибаетесь. Открытие становится великим лишь тогда, когда несет объективную пользу как минимум самому исследователю, а лучше – всему разумному сообществу Галактики. Если я обнаружу в соседней системе звезду, готовую взорваться – кому пригодится это знание, коли я не успею предупредить об опасности?

– Информация не может передаваться быстрее света. Задолго до любого предупреждения, астрономы заметят изменения в спектре звезды и предскажут ее взрыв. Первооткрывателем, однако, останетесь вы – не в глазах стада, а в объективной

реальности.

Талиса вздохнула.

– А если цивилизация недостаточно развита, чтобы обнаружить опасность? Если без моего предупреждения, у них просто нет шансов спастись?

– Такая цивилизация в любом случае не сумеет защититься от взрыва звезды, – невозмутимо отозвался пришелец.

– Небо, ну я же звезду просто так, в пример привела! – воскликнула Талиса. – Возможны мириады ситуаций, когда для общества жизненно важно получить добытое знание! Представьте, как ваш звездолет возвращается домой – а там такая же катастрофа, как здесь. С помощью чертежей «Надежды», которые вы доставили, будет спасена ваша цивилизация!

– Чертежей давностью в шесть поколений? – механически поинтересовался транслятор. – Вы противоречите сами себе. Длительность межзвездных полетов делает бессмысленным их использование в качестве общественного двигателя прогресса. Логика возвращается, лишь когда из формулы удаляется слово «общество». Я отправился в глубокий космос, чтобы его познавать. Аналогичная мотивация движет и прочими членами нашего экипажа. Мы впитываем новые знания, учимся, поражаемся богатству Вселенной – во всех ее точках. Здесь и сейчас.

– То есть, даже не скучаете по дому? – недоверчиво спросила Талиса. – Вас не тянет на родину?

Инопланетянин слегка подался назад, приняв в кресле более удобную позу.

– Вы вновь смешиваете понятия. Родина? Дом? Это вовсе не обязательно место в пространстве. Моя Родина – Вселенная. Мой дом – мой разум. Генетической тяги строить логовища и возвращаться к ним, наш род не имел никогда.

Талиса дернула хвостом:

– Но должно же быть... Гнездо, где вы родились? Исток, куда стремится душа?

Голос из транслятора ни на миг не дрогнул.

– Родина газели – вся степь. Дельфина – океан.

– И дельфины, и газели живут стадами. Стадо, не степь, заменяет им дом. А вы одиночки...

– Одиночки? – переспросил инопланетянин. – Мы вовсе не одиночки. Вы

неправильно поняли. Дело в том, что у вас индивидуумы являются кирпичиками, из которых строится здание общества, а у нас – каждая особь подобна зданию, суммарно образующим город.

Талиса вздрогнула.

– Вы считаете нас муравьями? – спросила она недоверчиво. – Общественными насекомыми?!

– Напротив. Я считаю вас разумными существами, по какой-то причине стремящимися стать насекомыми.

Встретив изумленный взгляд девушки, гость пояснил:

– Ваши социальные чувства доминируют над личностью, и интересы общества вы ставите гораздо выше собственных.

– Конечно!

– А разве это не первый признак общественных насекомых?

Повисла тишина.

– Не путайте альтруизм с инстинктивными программами поведения, – процедила, наконец, Талиса, стиснув зубы. – Мы, как вы сами заметили, разумные существа и обладаем свободой воли.

– Скорее, «анархией воли», попыткой экстраполировать родовые инстинкты на уровень общества, – возразил инопланетянин. – Вы упускаете из вида принципиальную разницу: родственные узы – объективны и фиксированы. Каждый в твоём роду разделяет твой генетический код, в каждом из них – часть тебя, а в тебе – они все. Причинить вред со-родичу, все равно, что оторвать от себя кусок плоти. Не броситься на помощь – столь же трудно, как не отдернуть от костра руку. Без генетической основы, подобное поведение противоречит инстинкту самосохранения, а значит, никогда не закрепится в популяции.

Талиса покачала головой:

– У нас закрепилось.

– Нет. Это иллюзия. Достаточно сильный раздражающий фактор моментально сорвет социальную оболочку и продолжит подавлять личность, пока не упрется в барьер, поставленный природой. На низком уровне, все навязанные «обществом» стереотипы становятся не просто бесполезными, но и опасными.

– Например? – сухо спросила девушка.

– Вы самка, поэтому я опишу наиболее близкий вам сценарий. Скажем, семейные ячейки. В эталоне образцового поведения, восхваляемого и боготворимого вашей этикой, непременно содержится самопожертвование ради спасения потомства. Данный мотив столь силен, что несоответствующее ему поведение моментально обретает катастрофическую, бесконечно– негативную окраску. Между тем, подобное самопожертвование противоречит не только инстинктам самосохранения, но и эволюционной стратегии, для которой взрослая половозрелая самка гораздо важнее помета с неопределенными шансами на выживание. Как видите, социальные надстройки противоречат естественному порядку вещей и ослабляют популяцию.

Талиса молчала, легонько подергивая кончиком хвоста.

– Вы плохо нас изучили, – сказала она после длительной напряженной паузы.

– Безусловно. Мы пытаемся это исправить, в том числе, и сегодняшней экскурсией, и даже текущим разговором.

Девушка обернула голову к пришельцу и взглянула прямо в невидимое за стеклом лицо.

– Что нового вы надеетесь узнать в руинах Кагга? – спросила тихо. – Мне действительно интересно. Это место... Туда никто не летал даже до катастрофы, а уж теперь, когда там нечем дышать...

Инопланетянин слегка подался вперед, блики скользнули по хромированным сочленениям скафандра.

– Вы сами ответили на собственный вопрос. Я чрезвычайно заинтересован в посещении объекта, сохраняющего статус табу даже в столь высокоразвитой космической цивилизации, как ваша.

Талиса вздрогнула:

– Это никакое не табу!

– Ошибаетесь.

– Нам просто неприятно о них вспоминать!

– Почему бы тогда не уничтожить руины?

Талиса запнулась:

– Но... Мы...

– Не можете о таком и помыслить, – закончил пришелец. – Руины Кагга причиняют вам сильную боль, вы избегаете о них думать, выжигаете из памяти, как клещей – но даже не рассматриваете возможность физического устранения раздражителя. Объект, глубоко в подсознании, воспринимается как запретный. И это, заметьте, неподвластно социальным надстройкам. С точки зрения логики, для оздоровления общества было бы правильней уничтожить руины столетия назад. Почему же вы так не сделали?

Талиса отвернулась к ветровому стеклу.

– Потому, что те, кто забывает о своем прошлом, обречены повторить его в будущем, – глухо отозвалась девушка. Инопланетянин ничего не ответил.

Долгое время в кабине царило молчание. Аэрокар миновал искрившие голубыми блестками силовые поля, сгонявшие тучи к аграрному поясу, нырнул в жгучее сияние. Помчался над мертвыми, сгоревшими на корню рощами в предгорьях.

Машина шла на автопилоте, Талиса смотрела вперед. Глаза застилала слезы. Слезы мешали видеть, но драконесса их не оттирала, замещая горькие картины реальности прекрасными, живыми из памяти. Эмоции захлестывали, душили разум – и крылатая запела², не думая о чуждом существе рядом, не желая принимать беспощадную правду.

Ты сомкни на мне кольцо,
 Мой тихий звездный змей,
 Во мгле твоя сверкает чешуя,
 Искристого нектара
 Ты кубок мне налей,
 Вдохни огонь –
 И мчись стальной
 Стрелой в чертоги ветра
 Над зарей!

Пролетим с тобой
 Мы над зарей,

² На музыку «Дорога сна» группы «Мельница»

И НИКОГДА
УЖЕ НЕ ВЕРНЕМСЯ,
ЖАРКОЙ ИСКРОЙ ВОРВЕМСЯ
В ЗВЕЗДНЫЙ РОЙ...
ЭТО ЗНАЕТ КАЖДЫЙ КТО КРЫЛАТ,
ЭТО ВИДИТ ВСЯКИЙ ОТКРЫВШИЙ ДВЕРЬ –
ЖИТЬ МОЖЕТ ТОЛЬКО СВЕТ
ОКРУЖЕННЫЙ МГЛОЙ...

ТАК НАЛЕЙ ЕЩЕ НЕКТАР,
МОЙ ДОБРЫЙ СВЕТЛЫЙ ДРУГ,
ПУСТЬ ВТОРЯТ ЭТОЙ ПЕСНЕ ВСЕ ВОКРУГ,
ПУСКАЙ НАЙДУТ ДРАКОНЫ
В ГЛАЗАХ СВОИХ ПОДРУГ
ЛЮБВИ ЗАВЕТ, ЧТО ЛИШЬ СЛЕГКА
КОСНЕТСЯ ДУШ И УЛЕТИТ
В РАССВЕТ...

УЛЕТИТ В РАССВЕТ,
ГДЕ НЕТ НОЧИ И ДНЯ,
ГДЕ ВСЕ КРЫЛАТЫ
И ЛЮБЯТ НЕБО,
ЖИЗНИ БУРЛЯЩЕЙ ГИМН
ТАМ ПОЕТ, ЗВЕНЯ...
ЛИШЬ ОТБРОСИВ СТРАХ, РАСПАХНУВ СЕБЯ
СЧАСТЬЕМ ПОЛНЫЙ, В ОБЪЯТЬЯХ ВЕТРА,
ТАМ СРЕДИ ОБЛАКОВ
ТЫ ДОЖДИСЬ МЕНЯ...

Она запнулась и опустила голову. С большим трудом перевела дыхание.

– Простите, – сказала отстраненно. – Мой муж пропал без вести в первый день огнепада, я... До сих пор тоскую. Вы, конечно, ответите, что всему виной инстинкты, что драконы, как орлы, выбирают партнера лишь раз на всю жизнь... А у нас есть простое слово, любовь.

Талиса сглотнула.

– Когда любишь... И ждешь... День за днем, ночь за ночью, а его нет, и сын уже не спрашивает каждое утро, вернулся ли папа... – Она судорожно, до крови стиснула когти. – Пусть никогда не доведется вам испытать подобное.

Инопланетянин хранил молчание и драконесса, облизнув слезы, вернулась к управлению аэрокаром. Вдали, над слепящим горизонтом, уже едва заметно проступили контуры одиночной конусовидной горы.

– Прибываем, – сухо сообщила Талиса. Гость встал на ноги:

– Я бы хотел перезарядить дыхательные баллоны.

– Кран в кормовом отсеке.

– Благодарю, – пришелец направился к хвосту машины, а драконесса отключила автопилот. Снижаясь по пологой дуге, аэрокар начал сбрасывать скорость.

В иллюминаторах росла конусовидная гора. Здесь, в наиболее сухой на планете пустыне Каякка, даже до катастрофы условия считались смертельными для почти любой жизни. Гигантский потухший вулкан, прозванный Отцом Всех Муравейников за удивительное внешнее сходство, достигал у подножья диаметра сорока километров и возносился к белесому небу на пять; на фоне его черных оплавленных склонов, аэрокар выглядел мошкой.

Талиса хмуро разглядывала колоссальную гору. Цель их полета находилась на северном откосе, в километре от земли; но общий подъем местности вокруг вулкана скрадывал его высоту. Миллионы лет назад, когда Отец Всех Муравейников еще не был мертв, чудовищное давление в недрах вспучило саму равнину, да так и оставило волдырем посреди пустыни.

Там, на глубине, до сих пор пустела грандиозная каверна, и геологи категорически запрещали строить над нею селения. Опасность обвала, да жуткий климат были официальными причинами незаселения окрестностей вулкана.

Об истинных причинах драконы предпочитали молчать.

Глава 5

Обшивка аэрокара выглядела изрядно потрепанной, на месте антенны в бампере зияла дыра. Гранит с сомнением изучил вентилятор главного компрессора, просунул лапу сквозь жалюзи и крутанул массивную крыльчатку. Прислушался.

Покачав головой, забрался в кабину, включил разогрев. Едва компрессор запустился, корпус машины сотрясла вибрация. Дракон клацнул челюстями:

– Радар демонтирован, подшипники ротора никуда не годятся, – заявил он хмуро, спрыгнув на пол ангара. Поморщился от неожиданной боли в ушибленных лапах, высокая гравитация давала о себе знать. – Нужен другой кар.

Изящная мраморная драконесса развела крыльями.

– Все машины в экспедициях. Эта единственная, оставшаяся на базе.

– И я даже знаю, почему... – пробормотал Гранит. – Чайка, милая, мне необходим транспорт.

– Я понимаю.

– Неужели во всей колонии для меня ничего не найдется?

Она кивнула на потрепанную машину:

– Вот, нашлось.

– Он развалится при попытке взлететь!

– А что, обязательно лететь сегодня? – Чайка склонила голову набок. – Нельзя подождать, пока освободится другая машина?

Дракон гневно выпрямился, встал на задние лапы и облокотился о кар, скрестив на груди передние.

– Я ненавижу терять время! – прорычал Гранит. Драконесса смерила его заинтересованным взглядом, на миг задержала глаза, усмехнулась.

– Ты здорово изменился с нашей последней встречи... – протянула Чайка. Гранит, заметив, куда она смотрит, невольно прижал гребень.

– Милая, я сюда за аэрокаром спустился.

– Ну, спустился, – оборвала драконесса. – Нет кара. Придется подождать, – она подошла к дракону вплотную. – Чем займешься?

Гранит схватил ее за нижнюю челюсть, легонько потряхнул.

– Не провоцируй, – предупредил, тяжело дыша.

– А что, можешь не сдержаться? – Чайка лукаво прищурила глаза, скользнула

лапкой вниз по серой чешуе. – Ох– ох– ох, какие мы взрослые...

Рывкнув, дракон сцепил за ее спиной крылья и рывком прижал к груди гибкое тело. Чайка вскрикнула, забила хвостом. Гранит приподнял ее за бедра, толкнул носом, заставив откинуть голову, крест– накрест накрыл пасть своею.

Потом она лежала на крыле аэрокара, тяжело плотая воздух и бессильно распластав крылья. Гранит, слегка растерянный неожиданным поворотом событий, стоял рядом, у него все еще раздувались ноздри. Чайка, сладко застонав, потянулась всем телом, перламутровые когти проскрежетали по металлу.

– Мило, – пробормотала она весело, снизу– вверх глядя на дракона.

– Я... – Гранит почесал за рогом. – В общем.

– Надеюсь, никому не разбил сердце? – иронично поинтересовалась драконесса. Крылатый покачал головой.

– Да нет, я как бы... Еще не встретил. А ты? – он удивленно склонил голову набок. – Ты ведь старше меня лет на восемьдесят, как же вышло, что до сих пор одинока?

Чайка расхохоталась:

– Ох, парень... Мускулы да гормоны, а в башке все тот же драконенок, – она села и с улыбкой сложила за спиной крылья. – Я ящерка свободная, летаю где вздумается. И люблю жизнь... – она погрозила ему когтем. – Кстати, не думай, будто это поможет тебе добыть аэрокар вне очереди.

Гранит вспыхнул:

– Я и не думал!!!

– Верю, – Чайка облизнулась и, грациозно, спрыгнула на пол ангара. – Ты весь такой из себя... блестящий, мрр, – она лукаво подмигнула. – Идем, примем душ и устроим тебя на ночь в гостевой отсек. Да не спеши ложиться спать, – драконесса игриво щелкнула челюстями. – Ночи на Аятте длинные... Кто знает, может я в гости загляну после вахты...

Гранит с легкой заминкой развел крыльями.

– Буду ждать.

– Покажи, покажи, покажи, покажи, покажи, покажи мне любовь... – напевая журчащим, легким голосом, Чайка направилась к лифту. – Кстати, заметил как моя

перепонка оттенок меняет? Шестикомпонентный лак! А запах нравится? Можешь не отвечать...

Растерянный дракон шагал следом.

В гостевом отсеке Чайка отвела ему двухкомнатную каюту, вручила «Краткое руководство колониста», наказав до утра выучить его наизусть, и уже собиралась уходить, но Гранит внезапно встрепенулся:

– Минутку! Я пока от космодрома шел к куполу, заметил рядом со шлюзом довольно облезлого грифона. Он, случайно, не тут где-нибудь обретается?

Чайка фыркнула.

– О, да. Возрадуйся, ибо видел ты мудрого Гуоргана, сына Гукуркука, официального представителя грифонов в колонии, – она рассмеялась. – Хочешь с ним поболтать?

Гранит жадно кивнул:

– Если это возможно...

– Сейчас приведу. Только продержи его у себя подольше, а? – с чувством заметила драконесса. – И не спрашивай о координатах его родного племени, грифон убежден, что жертвует собой, отвлекая наше внимание.

Гранит озадаченно моргнул:

– От чего отвлекая?

– От какой-то миграции, – Чайка неопределенно покрутила крылом. – В общем, разберешься. Транслятор ему под шкуру защит, языкового барьера не будет. Да, включи кондиционер на минимум, а то пернатый зажарится. Я сейчас... – она скрылась за дверью. Взволнованный дракон присел на гелевое ложе.

Ранее Гранит никогда не встречал грифонов – условия на Гамме были для них невыносимы. Даже под куполами колонии, пернатые едва дышали: прохладная для драконов температура была близка к их предельной, пересыщенный кислородом воздух вызывал резь в легких.

Когда Чайка привела аборигена, могучий серый дракон смерил маленького рядом с ним пожилого грифона внимательным взглядом. Улыбнулся, вспомнив перо, что когда-то, в другом мире, получил в подарок. Точно такие белые перья покрывали «орлиную» часть Гуоргана, но спускались лишь чуть ниже плеч, дальше тянулся

пятнисто– серебряный барсовый мех.

– Знакомьтесь, это Гранит, сын героя Дориана, – представила хозяина каюты Чайка. Грифон с опаской пробормотал что–то в ответ, но драконесса уже не слушала: – Желаю приятно побеседовать! – она поспешно ретировалась за дверь. Некоторое время Гранит и Гуорган оценивающе разглядывали друг друга.

– Мне нужен проводник, – отрывисто сказал дракон. – Я ищу место, которое ваш народ прозвал «Долиной горного духа». Знаешь такое?

Гуорган почесал задней лапой за ухом. Новая Небесная Рыба, прилетевшая на огненной скале, сильно отличалась от других обитателей колонии. Что–то в ней чувствовалось родное и понятное – «волчье», подумал старый охотник.

– На юге, за озерами, много волшебных мест... – протянул он осторожно. Гранит мотнул головой.

– Волшебное не годится. Нужна та самая долина.

– Зачем? – Гуорган нахмурился.

– Скиталец, – отозвался дракон.

Старик вздрогнул.

– Ты сказал, «Скиталец»? – спросил после долгой паузы.

– Именно.

– Темный дух, что оставляет дымящиеся следы на снегу?

Гранит застыл.

– Верно... – протянул с напряжением. – Ты о нем знаешь?

Гуорган с сомнением почесал живот.

– Его следы встречали даже раньше, чем явились Небесные Рыбы. Я как ваши следы впервые увидел, сначала подумал – его...

Гранит подался вперед:

– Где находили следы? Отыщешь это место снова?

Старый охотник приоткрыл клюв, тяжело дыша от жары.

– Отыщу, – сказал коротко.

Повисла тишина. Могучий Гранит, глубоко вдохнув, тряхнул серебристой гривой.

– Расскажи о Скитальце? – попросил негромко. – Садись сюда, под

кондиционер.

Грифон перебрался ближе к решетке на потолке и, с наслаждением, распушил холодному ветру все перья.

– Что рассказать? – спросил, немного остыв.

– Все!

– Мхм... – пернатый очень по-птичьему склонил набок голову и взъерошил хохолок. – А точнее?

Гранит с волнением подался вперед:

– Где его видят чаще всего? Откуда он появился? Предсказывает ли он катастрофы и на вашей планете? Я хочу знать все, все– все– все что известно тебе о Скитальце! Для меня это чрезвычайно важно.

Гуорган заинтересовано наострил уши:

– Почему важно?

Дракон вздохнул.

– Много лет назад, в тот самый день, когда вспыхнуло Солнце, пропал мой отец. Я искал его все эти годы, искал хотя бы останки – наши волшебники способны вернуть дракона к жизни всего лишь по капле его крови, хотя он и не будет ничего помнить...

– А причем тут Скиталец? – удивился грифон.

Гранит скрипнул зубами.

– Я верю, этот дух владеет машиной... Магическим амулетом, способным обратить время вспять. Тогда я вернусь в прошлое и спасу отца.

Изумленный Гуорган приоткрыл клюв и надолго умолк, размышляя над словами дракона. Медленно покачал головой.

– Не думаю.

– Почему? – напряженно спросил Гранит.

– Есть сказание... Не про Скитальца, но... – пернатый закрыл яркие голубые глаза. – Мой отец был шаман. Великий шаман, народ к нему слетался со всех гор. Меня в шаманы готовили, но я молодой был, сильный, быстроекрылый – охотником стал. Отца огорчил... – Гуорган вздохнул. – Помню, однажды пришла женщина, у нее Хозяин задрал всех птенцов в одну ночь. Страшно было смотреть. Она, как ты, хотела в прошлое вернуться, выводок спасти. Отца молила помочь, на животе ползала,

кричала. Тогда он и рассказал ту историю, что я сейчас тебе поведаю...

Грифон уселся поудобнее и приспустил крылья.

– Говорят, на заре светлых дней, когда еще жили каменные горцы и влюбленные луны танцевали по небу, родился в одном племени чародей. С первого пуха на крыло встал, в два года колдовскую силу обрел, мог хоть оленем обратиться, хоть горностаем – всех зверей язык понимал! – Гуорган поцокал клювом. – А зимы в то время были, не чета нынешним, льды спускались в долины, вьюги заметали стойбища до мамонтовой холки. В одну такую метель, чародей большой костер запалил посреди равнины, пламя до небес поднялось, снег растаял. Народ вокруг костра танцевал от радости! Только старый шаман не веселился, сказал чародею – ты, глупец, самому Оору вызов бросил нынче. Расхохотался колдун. Погляди, говорит, как я могуч! Пусть приходит Оор! Ощиплю его, как индюка, перьями хвост украшу! Покачал головой шаман. Не знаешь разве, спросил, что хищники сильных стороной обходят? Разозлишь Оора, так ведь не к тебе придет, а к тем, кого взять легко... – грифон опустил голову. – Задумался тут чародей, да было поздно. Следующей ночью, заморозил Оор целое стойбище в соседней долине. Рассвирепел колдун! Начал волшебные костры зажигать у каждого стойбища, ставил из камней башни до небес, огненные копья охотникам раздал... Но пока он одно стойбище охранял, беспощадный Оор другое губил. Кинется чародей на выручку – а злой бог нападет на покинутое им селение...

Гуорган тяжело вздохнул.

– Страшно стало народу. Начали говорить колдуну – смирись, проси у Оора прощения, ведь невинные гибнут. Совсем взбесился чародей. Я, закричал, все только делал для вас! Пока я спасал и согревал, строил новые стойбища, Оор губил ваших птенцов – и мне его о прощении молить?! Не делайте так, предупредил, чтобы и я против вас обернулся! Разъяренный, слепой от гнева, ринулся он в горы, где, по слухам, Оор обитал. Молниями с крыльев ударил по скалам так, что содрогнулось небо! Красными стали тучи, огненный столб исторгла земля, и случилось так, что ударило пламя в одну из влюбленных лун, разметав ее в клочья.

Гранит встрепенулся:

– Верно, у вашей планеты есть тусклое кольцо, остатки спутника, разорванного приливными волнами. Но это случилось миллиарды лет назад... – удивленно

пробормотал дракон.

Гуорган покачал головой.

– Хочешь понять, умей слушать. Когда ярость чародея погубила одну луну, вторая от горя стала серой. Посмотрел на небо колдун, накрылся крыльями. Как же так, спросил, плача. Я желал только добра, а принес одно зло. Хотел наказать негодяя, а погубил невинную душу... Неправильно создан мир! Нет справедливости! И решил он отправиться в первые дни, когда Спящему Великану Угэ приснилась земля. Я разбужу великана, сказал чародей, и научу, как правильно видеть сны.

Гранит невольно хмыкнул:

– Этот пернатый мне уже нравится.

– Погоди, история еще не окончена... – покачал головой грифон. – Принялся чародей искать дорогу назад во времени. Облетел все равнины, ущелья, в каждой пещере побывал, на всех горных пиках. Столько лет искал, что забыл про него народ – успокоился даже Оор, перестал стойбища морозить.

Гуорган легонько распушил перья.

– Сорок раз выростали птенцы, прежде, чем вернулся измученный маг. Постарел он, осунулся, но велика была в нем колдовская сила, струились по перьям молнии. Слетелся народ со всех равнин, и даже старики не помнили, кто он такой.

Грифон вздохнул.

– Я хочу проститься, сказал чародей. Облетел я весь мир, побывал на каждой звезде, что сверкает в небесах, говорил с мудрецами, что обитают у других Солнц...

– Как– как?! – Гранит отпрянул. – Вам известно, что у звезд бывают планеты?!

Гуорган склонил голову набок и прищурился.

– Мы не звери, – заметил коротко. Дракон, спохватившись, растеряно почесал за рогом.

– Прости, я... Извини, что перебил. Рассказывай дальше!

Грифон недовольно перебрал крыльями.

– Рассказывай, рассказывай... – пробурчал. – Будто ты веришь...

Гранит медленно кивнул.

– Начинаю верить, – отозвался тихо. Пернатый бросил на него любопытный взгляд:

– Лучше, уже лучше... Так вот... Побывал чародей во всех уголках мироздания, и понял, что вернуться во времени невозможно. Сам мир так устроен. А чтобы поменять мироустройство, надо вернуться во времени, чего сделать нельзя. Подрезало ему крылышки это знание, вышибло дух из груди. Умереть хотел, говорит...

Грифон щелкнул клювом.

– Но один мудрец под зеленым небом дал ему надежду. Сказал: все на свете движется. И есть в мироустройстве такой закон, что коли движешься ты – рано или поздно окажешься там, откуда начал. Других путей нет, объяснил чародею. Чтобы вернуться назад, следует лететь вперед.

Озадаченный Гранит недоверчиво моргнул.

– Погоди, погоди, погоди... – дракон облизнул губы. – То есть, чародей хотел проститься, поскольку собирался лететь не в прошлое, а в будущее?!

Гуорган довольно кивнул.

– Умная Небесная Рыба.

– Почему вы зовете нас рыбами? – удивленно спросил крылатый. Грифон моргнул:

– Только у рыб бывает чешуя!

– А, да, на Аятте ведь холодно, тут рептилий никогда не возникало... – Гранит лихорадочно размышлял. – Если чародей каким-то образом путешествует в будущее, в связанной с чародеем системе отсчета галактическая стрела времени начнет замедляться вплоть до остановки, полный аналог падения в черную дыру, только падает не сам объект, а вся окружающая Вселенная...

Его оборвала рывком отворившаяся дверь. При виде лица Чайки, дракон сглотнул и вскочил на ноги.

– Что случилось?!

– Сообщение с Гаммы, – глухо сказала мраморная драконесса. – В пустыне разбился аэрокар, которым управляла твоя мать, Талиса.

Гранит оцепенел.

– Жива? – выдохнул, не слыша собственного голоса.

– Пишут, что сигнала об остановке сердца не поступало и на месте падения не обнаружены тела, однако и Талиса, и ее пассажир пропали без вести. А пассажиром

был один из инопланетян, – Чайка нервно помахивала хвостом. – Ближайший рейс на Гамму через полторы недели.

– Полторы недели?! – вырвалось у Гранита.

Драконесса беспомощно развела крыльями.

Глава 6

Талиса хмуро разглядывала колоссальный вулкан. Цель экспедиции находилась на северном склоне, в километре над уровнем моря. Машине потребовалось несколько минут, чтобы описать дугу вокруг гигантской горы.

Когда вдали среди черных, оплавленных скал показались зубчатые остатки крепостной стены, девушка обернулась к вернувшемуся с заправленными баллонами пришельцу.

– Руины Кагга, – сообщила бесцветным голосом.

Инопланетянин подошел к ветровому стеклу, встав правее драконессы. Аэрокар снижался, разрушенная крепость росла на глазах, и чем ближе подлетала машина, тем яснее становились масштабы.

– Неужели вас не беспокоят тайны этого места? – осведомился пришелец. – Полная чужеродность архитектуры, очевидные различия в физиологии строителей? Я изучал руины по орбитальным снимкам, и даже с такого расстояния было ясно, что возводили их не драконы.

– Мы знаем, – мрачно отозвалась Талиса.

– Должна быть очень веская причина подобного общепланетного игнорирования.

Драконесса молчала. Аэрокар уже пересек обломки внешних стен и мягко опустился на вымощенный гигантскими каменными плитами двор. Тысячелетия здесь

почти не отразились.

– Прогуляемся? – поинтересовалась Талиса.

Инопланетянин кивнул. Драконесса тронула блестящий диск на поясе; спинка пилотского кресла оцетинилась десятками манипуляторов, за секунду собравших вокруг стройного крылатого тела скафандр. Другой манипулятор подцепил ей на бедро генератор кислорода.

Створки шлюза раскрылись с едва слышным шипением, атмосферное давление здесь было слишком мало. Талиса вышла первой. Спрыгнув на раскаленные солнцем камни, она сделала несколько шагов к темневшему вдаль, почти начисто разрушенному внутреннему замку.

– Вы спрашивали, почему драконы не любят вспоминать об этих руинах, – сказала она глухо. – Могу поведать одну историю. Верить ей, или нет – дело ваше.

Инопланетянин приблизился, его скафандр нестерпимо блеснул в лучах солнца.

– Я весь внимание, – безжизненно прожужжал транслятор по рации.

Драконесса медленно направилась к разрушенной постройке, пришелец шагнул рядом.

– Есть легенда, что много тысяч лет назад, мы жили совсем в другом мире, – начала Талиса. – Не на другой планете, а в другом мире. Вам знакома теория бран?

– Разумеется.

– Тогда вы должны знать о предсказываемом этой теорией Мультиверсе, бесконечном ряде виртуальных «мембран», то есть Вселенных, отличающихся лишь крохотными флюктуациями мировых констант.

– Я знаю.

Талиса помолчала. Темно– коричневые каменные плиты под ее лапами покрывала мелкая сеточка трещин, но в целом, эрозия почти их не тронула.

– По легенде, где–то здесь, – она обвела крылом руины, – наша «мембрана» касается соседней. Хотя таких слов, разумеется, в те времена еще не придумали. Предки говорили «Врата Миров».

Кончик серебряного драконьего хвоста нервно подергивался.

– Мир, в котором мы жили раньше, был населен не только драконами. И одна из неведомых рас начала истреблять остальные. Если верить легендам, мы сражались до

последнего воина, но настал час, когда от рода драконов остались лишь несколько женщин да куча перепуганных детей.

Она опустила голову.

– В том, что произошло дальше, источники расходятся. Эпос «Кауран» утверждает, будто с неба спустилась увитая молниями полу– птица, полу– лев, и открыла для горстки выживших Врата в новый мир, – Талиса кивнула на горную цепь вдали. – Эта гипотеза получила мощную поддержку после обнаружения на Аятте грифонов, однако в ней слишком много неясностей. Совсем другое объяснение дает найденная в Краю Дремучих Трав стела; ей свыше двенадцати тысячелетий, что является абсолютным рекордом, более древних памятников драконьей письменности пока не известно.

Крылатая дернула хвостом.

– Расшифрованная когтепись сообщает, что примерно за семь тысяч лет до создания стелы, к нам на планету рухнул «каменный столб», из которого появились жестокие «сыны звезд». Нас, драконов, они привезли в клетках, как животных – из текста не совсем ясно, с какой целью, то ли для пожирания, то ли для боев на аренах. Удивительно другое: и на стеле, и в эпосе «Кауран», который моложе минимум на три тысячелетия, одинаково говорится о последующих событиях...

Талиса стиснула зубы.

– Из соседнего ли мира, либо из древнего звездолета, но враг последовал за нами в новый дом. Эту крепость, что мы зовем Кагг, возвели они. Отсюда, на охоту за дрожащими в лесах и пещерах драконами, отправлялись карательные отряды, сюда свозили тела убитых.

Драконесса остановилась. Инопланетянин замер рядом.

– Тысячи тел, – тихо сказала Талиса. – Уже в новое время, когда тут начались раскопки... Мы... Понимаете, у драконов есть лишь один абсолютный закон, властный надо всеми нами от вылупления, столь впитавшийся в кровь, что мы просто не можем представить его отсутствие. Драконы не убивают драконов. Это основа нашей культуры, краеугольный камень мышления.

Она сглотнула.

– Кладбище, обнаруженное в руинах Кагга, буквально вывернуло наизнанку

все, что для нас свято. Здесь нашли не только бронзовые цепи и остатки клеток, но даже изделия из драконьей кости, декоративные, представляете? – Талиса содрогнулась. – Цивилизация была шокирована. Мы прежде никогда не задумывались, что для существ иного биологического вида, зверства, абсолютно непредставимые дракону, могут показаться вполне нормальными...

Инопланетянин поднял палец в жесте внимания.

– Вопрос.

– Слушаю.

– Рассказанная вами история великолепно объясняет несколько загадок, встреченных нами в драконьем обществе. В первую очередь – наличие на гелиоцентрических орбитах целого роя чрезвычайно мощных лазерных батарей, включая «Сол-1» с энергией вспышки, достаточной для испарения планет. Прежде мы полагали эти батареи метеорной защитой, а избыточную мощь – следствием бдительности...

Талиса с трудом улыбнулась.

– Вы правы. Основное предназначение спутников, разумеется, контроль астероидов, но в действительности, как бы объяснить... – она вздохнула. – ...в общем, нам так спокойнее.

Пришелец скрестил на груди руки.

– Разрешите экстраполировать мысль? Полагаю, отправленная вами в прошлом веке серия межзвездных проб имела двоякую цель. Вы хотите отыскать планету, откуда был запущен «каменный столб», я прав?

Талиса остановилась. Молчала так долго, что инопланетянин шагнул вперед:

– Можете не отвечать, если...

– Нет, я отвечу, – холодно сказала драконесса. – Да, мы хотим их найти. Только не для того, чтобы уничтожить. Отсутствие повторных контактов за почти двадцать тысяч лет уже способно многое поведать о судьбе таинственных «сынов звезд». Нас гораздо больше волнуют оставшиеся там братья и сестры. Помнится, вы говорили, что слово «Родина» вовсе не обязательно означает локацию в пространстве; что ж, в данном случае под Родиной мы подразумеваем конкретное место. Место, где, если верить легендам, зародился наш род. Место, где крылатые могут до сих пор изнывать

в клетках.

Талиса рывком обернулась к пришельцу:

– И я очень, всем сердцем надеюсь, что вы не оттуда, – проговорила размеренно.

Повисла тишина. Наконец, инопланетянин отступил на шаг назад.

– Продолжим экскурсию, – безо всяких эмоций прожужжал транслятор на его плече.

Драконесса перевела дух.

– Простите. Я не должна была так говорить.

– Ваши подозрения абсолютно логичны и закономерны, – отозвался пришелец.

– Но вынужден разочаровать, ошибочны. Моя раса никогда прежде не контактировала с вашей, и драконы у нас дома не обитают.

Талиса с трудом улыбнулась.

– Я знаю. Мы откопали в руинах Кагга не только драконьи скелеты.

Пришелец отпрянул.

– Вам известен облик врагов?

– Детально, – процедила драконесса сквозь зубы. – Давайте сменим тему... У нас, как– никак, экскурсия, – она грустно улыбнулась. – Плохой из меня экскурсовод. Попытаюсь исправить. Если посмотрите налево, в направлении во– он того разлома, – она обернулась и, внезапно, оцепенела. – А– а– а?!

Инопланетянин быстро проследил за ее взглядом и невольно сделал пару шагов назад. Аэрокар, что блестел на солнце за их спинами, самостоятельно закрыл люк и медленно, раскачиваясь, поднимался в воздух.

– Это невозможно! – глаза Талисы широко раскрылись. – Как?!

Пришелец что–то включил на запястье своего скафандра:

– Дистанционный перехват управления, – сообщил его механический голос. – Пытаюсь запеленговать источник... – он поводит вытянутой рукой вправо– влево, развернулся и указал на руины внутреннего замка: – Излучатель находится там.

Драконесса резко присела:

– Быстро, мне на спину! Быстро!!!

Инопланетянин немедленно подчинился. Девушка распахнула крылья, обтянутые тончайшей жаропрочной тканью, прынула в небо.

Догнав неуверенно набиравший высоту аэрокар, она сорвала с пояса ключ аварийной разблокировки и ударила им по обшивке. Створки послушно раскрылись. Талиса рывком перевернулась в воздухе, поймала падающего инопланетянина лапами, зашвырнула в шлюз и запрыгнула сама, едва не сломав крылья. Судорожно дыша, задраила внешний люк.

– Пристегнитесь!

Пока инопланетянин исполнял приказ, драконесса рухнула в пилотское кресло и ударила ногой в изящную приборную панель. Все голограммы синхронно погасли, из– под декоративного кожуха выдвинулся штурвал аварийного управления.

– Идем на ручном! – выдохнула Талиса. – Будет трясти... – она рванула кольцо полного отключения компьютерного пилота. В тот же миг аэрокар дернулся и начал заваливаться на левый борт. Драконесса исправила крен легким движением штурвала, вдавила педаль управления главным ротором. Аппарат начал стремительно набирать скорость.

– Что это было? – выдохнула Талиса, когда зловещие руины остались позади.

Инопланетянин отозвался безо всяких эмоций:

– Очевидная попытка захвата машины.

– Но... Это... Нонсенс! – взорвалась девушка. – Руины Кагга необитаемы, до ближайшего купола сотни километров! Если б мы не успели вернуться на борт, Солнце убило бы нас за пару часов!

– Очевидно, похитить намеревались и нас, – отозвался пришелец. – Кстати, эта круглая шкала на экране – радар?

Талиса судорожно дернулась и, рывком, обернулась к панели.

– Не верю... – выдохнула, широко раскрыв глаза. – Параллельным курсом кто–то летит!

– Кто–то? – осведомился пришелец.

Девушка сглотнула.

– А... Я... Держитесь! – она рванула штурвал на себя.

Аэрокар накренился, задрожал крупной дрожью. Отметка на радаре не исчезала. Талиса пыталась маневрировать, резко менять высоту, даже описала мертвую петлю с обратной восьмеркой на выходе – тщетно. Преследователи не отставали.

– У них очень крупный аппарат, – сообщил инопланетянин, глядевший в боковой иллюминатор.

– Грузовой флаер! – выдавила Талиса, лихорадочно работая штурвалом. – Раз в семьдесят мощнее аэрокара...

– В таком случае, мы просто теряем время. Уйти от преследования не удастся.

– Ха! – рывкнула драконесса. – А это мы еще посмо...

Машину толкнуло, сквозь броню донесся тошнотворный металлический скрежет. Прочти сразу раздался второй толчок, гораздо сильнее первого, он потряс аэрокар до последней заклепки. В кормовой части салона обшивка пошла гармошкой, на панели приборов вспыхнула целая россыпь красных огней. Инопланетянин, внешне сохранявший полное спокойствие, обернулся к потрясенной девушке:

– Рекомендую готовиться к разгерметизации.

Талиса хрипло вскрикнула:

– Будем катапультироваться! Перегрузка не превысит девяти g, справитесь?!

– Я в тридцать семь раз легче вас, – отозвался пришелец. – Мне во столько же раз легче переносить экстремальную гравитацию.

– Старт! – рывкнула Талиса. Пиропатроны с грохотом отстрелили покатуую крышу кабины и оба пассажира, в облаках пламени, рванулись вверх на реактивных креслах. От перегрузки темнело в глазах, но девушка все же успела заметить огромный, уродливый грузовой флаер, вцепившийся в хвост аэрокара погрузочным манипулятором.

В следующий миг, место аварии осталось далеко позади. Двигатели кресел отработали свои пятнадцать секунд и умолкли, перегрузка рывком сменилась невесомостью. Талиса помотала головой.

– Все в порядке? – позвала с тревогой. Жгучее солнечное сияние резало глаза, не спасало даже темное стекло шлема. В скафандре с шуршанием запустился кондиционер.

Голосовой транслятор пришельца по радиии звучал столь же монотонно:

– Я не пострадал.

– Не понимаю... – растерянная девушка обернулась в сторону, где остался погибающий аэрокар. – Я ничего не понимаю!!!

Оба кресла с хлопками раскрыли парашюты, рывок помешал Талисе услышать ответ пришельца.

– Вы что-то сказали? – переспросила она.

– Разъяснения не заставят себя ждать, – повторил инопланетянин. – Если посмотрите вверх, заметите: нас преследуют.

Девушка вскинула голову – как раз вовремя, чтобы увидеть две мчащиеся наперерез открытые платформы. Управляли ими драконы в тяжелых шахтерских скафандрах максимальной защиты. Изумленная Талиса попыталась им помахать, но незнакомцы даже не обратили на нее внимания.

Одна из платформ зависла под креслом инопланетянина, уравнив скорости снижения. Дракон-оператор ловко обрезал стропы парашюта, принял лапами полутонное кресло и закрепил на решетчатой платформе. Инопланетянин, по-прежнему пристегнутый к креслу ремнями, не делал попытки освободиться.

Вторая платформа зависла под Талисой. Девушка, уже не на шутку встревоженная, ударила по кнопке аварийного расцепления и спрыгнула на решетчатый настил. Кресло, ставшее разом на две тонны легче, порывом ветра унесло в сторону.

– Что все это значит? – грозно спросила Талиса.

Вместо ответа, незнакомец молча шагнул вперед и прикрепил к грудной пластине ее скафандра маленький аппарат. Талиса ахнула, ощутив, что сервоприводы моментально отключились. Не в силах пошевелить даже пальцем, она с ужасом наблюдала, как похититель закрепляет ее окаменевший скафандр на платформе.

– Кто вы? Что вам нужно?! Отвечайте!

– Боюсь, вас не слышат, – механический голос инопланетянина из рации чуть не вверг Талису в панику. – Я пытался их вызывать на всех частотах, доступных моему оборудованию.

– Это... Это... Это нонсенс!!! – девушка тяжело дышала. Обездвиженная, она могла лишь пассивно наблюдать, как похитители стыкуют платформы со своим громадным флаером. От несчастного аэрокара остался лишь дымный костер далеко внизу.

Когда створки грузового люка закрылись, под потолком вспыхнули прожекторы,

а в бортах с воем запустились охлаждающие вентиляторы. Но похитители не спешили снимать шлемы. Пока один из них обрезал ремни на кресле инопланетянина, второй, пользуясь мощными сервоприводами скафандра, поднял двухтонную Талису лапами и отнес к стене – будто переставил статую. Девушка лихорадочно искала выход.

– Ваш скафандр тоже обездвижен? – позвала она по рации.

– Сомневаюсь.

– Вы сумеете добежать до меня и сорвать с груди эту штуку?

– Рекомендую вначале установить контакт с местным командованием.

– Каким еще командованием?! У нас нет организаций, способных на... –

Талиса запнулась. В грузовой отсек стремительным шагом вошел дракон.

Сердце девушки судорожно дернулось:

– Дориан... – еще успела она прошептать, прежде, чем лишиться сознания от шока.

Глава 7

Вездеход мягко катился по насту, не продавливая его широченными гусеницами, электродвигатели еле слышно гудели под полом. Чтобы грифон не перегрелся, Гранит был вынужден натянуть скафандр и отключить печь; стекла приборов покрывали морозные узоры. Холод, гравитация, что тяжким ярмом давила на плечи, и страшное нервное напряжение из-за невозможности броситься на выручку матери, лишили дракона словоохотливости.

Первые часы пути пронеслись незаметно. Гранит, не посещавший ранее Аятту, хмуро разглядывал инопланетные пейзажи, Гуорган наблюдал за Небесной Рыбой. Грифон очень быстро адаптировался к чудесам драконьих технологий и уже почти не боялся машин – его больше интересовали сами пришельцы.

Неподалеку от периметра колонии начинался заснеженный лес. Деревья на

Аятте были низкорослыми, кривыми и толстоствольными в сравнении с растительностью Гаммы, почти все вместо листьев несли иголки. Пару раз путь вездеходу перебежали мелкие зверушки, на ветвях иногда попадались птицы – пушистые шарики белых перьев. Морозный климат пятой планеты наложил отпечаток на фауну; Аятту населяли только теплокровные существа. Рептилий здесь так никогда и не возникло, поэтому драконы, хоть и походили на ящеров только внешне, местным обитателям казались совершенно экзотическими, невиданными диковинами.

– Осторожно! – внезапно сказал Гуорган. Дернувшись от неожиданности, Гранит вдавил тормоза.

– Что?

– Следы Хозяина... – грифон указал на цепочку глубоких, когтистых отпечатков, пересекавших путь. – Хозяин не уснул с первым снегом. Будет зол, голоден, опасен. Плохая зима...

Дракон криво усмехнулся.

– Я самый опасный зверь в этом лесу.

– Ты большой, но медленный, – возразил Гуорган. – Хозяин успеет порвать тебе горло прежде, чем заметишь тень. Хозяин не знает страха, у него нет врагов.

– Медленный? – переспросил Гранит. Клацнув челюстями, он внезапно выбросил лапу в сторону грифона с такой скоростью, что тот не успел даже заметить движение. – Медленный?

Гуорган сглотнул.

– Ты быстрее других...

– Я необычный дракон, – процедил Гранит сквозь зубы. – Я охотник. Хочешь, выйдем на снег и добудем твоего Хозяина? Растерзать кого-нибудь мне бы сейчас не помешало!

Грифон отпрянул:

– Нельзя!

– Почему?

– Хозяин не трогает племя, пока мы не трогаем Хозяина. Таков договор!

– Договор?! – Гранит отпрянул. – Хозяин разумен?!

Гуорган недовольно почесал живот.

– Не как ты или я. Он другой. Не делает вещи. Не рисует на скалах. Но с ним можно говорить, если... Смелости хватит.

– Ты же сказал, он грифонов не трогает? – дракон прищурил глаза.

– Племя не трогает. А коли голоден, да поймает в чаще охотника – сожрет, не моргнув. Он не такой, как мы. Мы – народ, вы тоже народ. А он – зверь. Только говорящий.

– Говорящих зверей не бывает... – пробормотал дракон. – Ну да ладно, отложим. Ты вспомнил, где видел следы Скитальца?

Старый охотник нехотя кивнул:

– Есть такое...

– Далеко?

– Три часа на крыльях к востоку, в предгорьях.

– Ага... – Гранит с хрустом откинул замерзший экран навигатора и провел перчаткой по стеклу, счищая иней. – Посмотрим... Гляди, Гуорган, – он приблизил спутниковую фотографию местности. – Понимаешь, что это? Представь, будто ты птица, и смотришь на лес с высоты...

Грифон распушил перья:

– Я и есть птица!

– Оу... – дракон моргнул. – Да-а... Прости, у меня голова совсем другим занята.

– Нельзя в таком состоянии охотиться, – наставительно заметил Гуорган. Гранит скрипнул когтями:

– А что, легче полторы недели бегать по комнате да грызть стены?! Для меня даже аэрокара не нашлось, паршивая гусеничная развалюха! – он в бешенстве пнул приборную панель. – Уверяю, в ТАКОМ состоянии я гораздо лучший ОХОТНИК.

– Злость на охоте помеха, – спокойно отозвался пернатый. – А ярость угроза. Каждый зверь в этом лесу или быстрее, или сильнее нас. Мы побеждаем не когтями, – грифон продемонстрировал острый набор, – а головой, – он постучал себя по макушке.

– Сегодня я бы когтями, – пробормотал Гранит. – Ррррау, хочу напиток крови!!! – он вскочил и ударом выбил люк вездехода. – Жди здесь, я растерзаю кого-нибудь и вернусь.

– Погоди!

– Ну что еще?! – свирепо обернулся дракон. Гуорган щелкнул клювом:

– Принеси мяса и мне, я давно не лакомился свежатиной.

– Заметано... – Гранит с рычанием выпрыгнул из машины и, стремительной рысцой, скрылся среди деревьев.

Вернулся минут через двадцать, окровавленный, с перекинутой через спину тушей лося. Они с грифоном молча поели, терзая сырое мясо клыками и клювом. Гранит, слегка успокоившись, набрал полную горсть кровавого снега и сглотнул, нервно дергая хвостом.

– Полегчало? – со знанием дела осведомился Гуорган.

Дракон заставил себя кивнуть.

– Немного.

– Ты совсем не такой, как другие, – заметил грифон. – Хищник.

– Все драконы хищники, – буркнул Гранит.

– Может, и были когда-то. А ты до сих пор... – Гуорган прищелкнул клювом.

Гранит презрительно пнул тушу лося:

– Нечем тут гордиться.

– Кто знает... – протянул старый грифон. – Кто знает...

– Лезь в машину, – хмуро отозвался Гранит.

Они вновь забрались в вездеход. Гуорган, щурясь, долго разглядывал экран навигатора, вздрогнул когда дракон коснулся кнопки приближения. Но многолетний опыт следопыта сыграл свою роль:

– Мы здесь, да? – спросил грифон с возбуждением, ткнув когтем в огонек на карте.

Гранит кивнул:

– Умная птица.

– Хорошая вещь! – восхитился старый охотник.

– Покажи следы Скитальца, и она твоя.

Гуорган недоверчиво приоткрыл клюв:

– Подаришь? Волшебный птичий глаз?!

– А как же! – Гранит усмехнулся. – Драконы не жадные.

Охотник с сомнением почесал задней лапой за ухом.

– Подними немного птицу, – сказал, наконец. Крылатый уменьшил масштаб. – Еще. Еще... Хватит. Вот здесь, – Гуорган указал место.

Гранит потер крылом о крыло.

– Двести километров? Однако, мастера вы в таком климате летать... – он вытянул из спинки специально отформованного для грифона кресла ремень безопасности. – погоди, я тебя пристегну...

– Оставь! – Гуорган прянул назад. Дракон опешил:

– Ох... Это не то, что ты думаешь, – он ухмыльнулся. – Гляди, – он вставил пряжку в замок и кнопкой ее освободил. – Можешь сам открыть в любой миг. Машину будет трясти, как мамонта на случке, без страховки переломаешь все кости. Я тоже пристегиваюсь, видишь? – Гранит продемонстрировал свои пятиточечные ремни.

Пернатый фыркнул.

– Не видал ты мамонтов... – он, неохотно, позвонил себя пристегнуть. Чтобы поднять грифону настроение, Гранит сунул ему включенный навигатор и посоветовал следить за дорогой. А сам обернулся к штурвалу и перевел двигатели в скоростной режим. Гусеницы с хрустом вспороли снежную гладь.

Ехать предстояло много часов, огибая леса и рощи, форсируя реки, с разгона взбираясь на заснеженные откосы. Напряженная работа водителя слегка отвлекла Гранита от мрачных мыслей, он снова начал воспринимать окружающее. Грифон же просто наслаждался скоростью, азартно клекотал, когда машину подбрасывало, цеплялся когтями за ремни при особо жестких приземлениях.

Свинцовое небо покрывали тучи, высокое давление усиливало вдали рефракцию, горизонт казался загнутым вверх. Эффект стал особенно заметен, когда вездеход добрался до подножья небольшого хребта и помчался вдоль скал, огибая булыжники. Из кабины казалось – горы вместе с небом вращаются, еще немного, и с воплем упадешь вверх...

Вскоре вездеход застрял, сев на брюхо у незаметной под снегом балки. Дракон и грифон потратили на вызволение машины почти полчаса, по окончании которых оба были измотаны, осыпаны снегом и – странным образом счастливы.

К тому времени, как отметка в навигаторе приблизилась к цели, наступила ночь. Уставший Гранит остановил вездеход на открытом месте, включив внешнее освещение

на максимум. Некоторое время он неподвижно сидел в кресле, глядя, как медленно опускаются индикаторы температуры двигателей.

– Ночуем? – спросил Гуорган.

– Я вымотался.

Пернатый оглядел кабину, постучал когтем по ветровому стеклу.

– Эта штука прочная? – поинтересовался спокойно.

Дракон прищурил глаза.

– Весьма.

– Если кто-нибудь ростом и силой, как ты, начнет ломиться, сдержит?

– Сдержит.

Гуорган облегченно перевел дух и отстегнул ремни.

– Тогда я спать... – он пролез на заднее сидение и свернулся клубком, будто огромный снежный кот. Дракон устало покачал головой.

– А что, тут бывают звери с меня ростом? – спросил мрачно.

Пернатый зевнул.

– Есть и звери, и не звери... Ты запри уж лучше двери, – он накрыл голову пушистым крылом. Гранит невесело усмехнулся.

– Спокойной ночи.

Дракон отрегулировал печь, чтобы не замерзнуть самому и не перегреть грифона, тронул кнопки управления под сидением и разложил кресло в лежанку. Откинулся, свесил крылья на пол, расслабился впервые за весь день. Во рту, до сих пор, чувствовался вкус сырого мяса.

Гранит закрыл глаза. В этом диком, замерзающем мире, ему нравилось. Дракон подумал – а каково будет в новой звездной системе? До старта «Надежды» оставалось еще много лет, а сам путь обещал занять века, но как бы прекрасна ни оказалась цель, для всех она навсегда останется чужбиной. Лишь дети, вылупившиеся под новым Солнцем, станут считать его родным...

«А грифоны приспособятся легче», – подумалось Граниту. Ведь продолжительность их жизни не достигала и сотни лет. Это нестареющим драконам предстояла тяжкая, угрюмая адаптация; у пернатых сменится несколько поколений даже прежде, чем «Надежда» достигнет цели. Гранита передернуло от мысли, что

тысячи птенцов родятся, повзрослеют и умрут, даже не увидев над собой неба.

«Анабиоз», – решил он. Так будет правильно. Пусть новую родину заселит поколение, еще помнящее о старой, только так сумеют они передать потомству ее облик. У самих драконов, согласно социологическим опросам, прибегнуть к холодному сну собиралась заметная часть пассажиров «Надежды», но львиная доля предпочла бодрствовать все века полета.

Незаметно, веки Гранита сомкнулись, сон овладел его мощным телом. Дракону снилось, как они вместе с Чайкой стоят на откинута трапе колоссального звездолета, а внизу, с огромной глубины, сквозь облака виднеется таинственная земля. Там двигались непонятные, ускользающие образы, теплый ветер доносил обрывки слов, но как Гранит ни прислушивался, смысла уловить не получалось.

«Мило...» – смеялась Чайка, играя с его хвостом, с высоты струился чистый, живительный свет. Дракон глубоко вдохнул, наполнил грудь ветром.

«Полетишь со мной?» – спросил Чайку. Она бросилась ему на шею:

«Конечно!»

Как всегда бывает во сне, их подхватило стремительное течение и увлекло ввысь, прочь от логики, в светлую мечту. Обнявшись крыльями, два дракона помчались над миром.

А мир менялся, эпохи мелькали старинным диафильмом. В расширяющейся Вселенной галактики вились в обреченном танце, с каждым миллиардом лет отдаляясь друг от друга все дальше. Вот, в последний раз, полыхнул микроволновый фон Большого Взрыва – его отнесло за горизонт событий, навсегда сокрыв от глаз...

Гранит, пораженный масштабами, покрепче обнял крылом Чайку. Вокруг миновал уже триллион лет, в галактиках исчерпался холодный газ и прекратили рождаться звезды. Начиналась эпоха Распада; разноцветные огоньки гасли один за другим, дольше всех держались тусклые красные карлики. Бесчисленные возмущения гравитации не оставили на орбитах ни единой планеты, галактики обратились в аморфные тучи остывающих звездных углей. А полет драконов лишь ускорился...

Сто квинтильонов лет в будущем. Галактик более не существует, погасли даже белые и коричневые карлики. Самые горячие объекты Вселенной отныне можно трогать, не опасаясь ожогов. Приближалась эпоха Черных Дыр, останки звезд и планет

гибли в раздувшихся от обжорства чревах космических хищников.

Но черные дыры не вечны – оставшись без добычи, они испаряются от голода. Спустя бесчисленные мириады веков, когда исчезнут даже самые крупные, Вселенная превратится в однородное облако остывающих атомов, однако ее история на этом не завершится.

Все ускоряющийся в будущее полет драконов достиг удивительного времени, когда из-за квантовых эффектов абсолютно вся материя распадется до железа– 56. Вновь проявит себя гравитация, стягивая новые атомы в жуткие, абсолютно холодные металлические звезды, будто парящие во мгле полированные стальные сферы. Узнать в этом мире родную Вселенную будет непросто.

Гигантские железные шары повторят историю своих пылающих предков, только гораздо быстрее. Сталкиваясь, взрываясь и вновь раскаляясь, они породят вторую эпоху черных дыр, что закончится окончательным распадом и Эрой Вечной Тьмы. Вселенная опустеет.

Расширившийся до таких масштабов, что между отдельными элементарными частицами пролягут световые годы, Космос начнет замерзать. В нем не останется даже атомов. Миллиарды миллиардов лет будут уноситься прочь, и с каждым годом, все больше частиц станут опускаться до минимального энергетического уровня, не зря именуемого абсолютным нулем.

Конец придет, когда во Вселенной остынет и прекратит движение последняя частичка. В мире, где более не могут происходить события, остановится Стрела Времени, и потеряет смысл вопрос «А что же дальше?». Само понятие «дальше» – исчезнет. Всемогущие мировые часы, заведенные Большим Взрывом, наконец, остановятся.

«Тик– так!» – внезапно сказала Чайка.

Гранит, подавленный картинами всеобщей тепловой смерти, бросил на подругу недоумевающий взгляд.

«Как ты можешь шутить, когда...»

«ТИК– ТАК!!!» –завопила драконесса. – «Тик– так!!! ТК– ТК– ТК– ТК– ТК– ТК!!!»

«Я не понима...» – хрипло вскрикнув, Гранит кувыркком вылетел из сна и

подскочил, ударившись рогами в потолок кабины. Все огни на приборной панели горели красным, оглушительный треск из динамиков сотрясал стекла.

При взгляде на счетчик радиации, у дракона сам собой вздыбился гребень шипов.

Глава 8

Талиса лежала в полумраке, глядя на потолок, не в силах пошевелиться. Она не была ни связана, ни обездвижена, скафандр куда-то исчез. Оцепенение вызывали воспоминания.

Судорожно глотая воздух, драконесса пыталась припомнить каждую мелочь невозможного видения. Действительно ли там был Дориан, либо ей померещилось? Талиса смертельно боялась, ее сердце колотилось в груди. Вот она стоит у стены... Воют вентиляторы, похитители в тяжелых скафандрах закрепляют на штапелях летающие платформы... Открывается боковая дверь... Появляется бронзовый дракон...

Бронзовый!!! Талиса судорожно сглотнула. Она никогда не видела Дориана в бронзовой чешуе, их первая встреча произошла уже после катастрофы поезда. Значит, это не могло быть галлюцинацией!

Понимание ударило, как локомотив с разгона. Дориан не стал бы пятьдесят лет скрываться в этой пустыне, бросив жену и ребенка в первый день катастрофы. Это просто невозможно. Начисто, без вариантов. Абсолютно!!! Значит, дракон, которого она видела во флаере – и который, очевидно, ее НЕ УЗНАЛ (!!) – был не Дориан.

Талиса зажмурилась, бешено стиснула когти. Несколько минут лежала неподвижно, со свистом втягивая воздух раздувающимися ноздрями. Когда двери открылись, и в каюту вошел хорошо знакомый девушке низкорослый зеленый дракон, она даже не удивилась.

– Привет, – процедила сквозь зубы.

Зеленый присел на ковер, помолчал. Талиса обернула голову.

– Клон? – спросила мертвым голосом.

Доминатор Маав отвел глаза.

– Все сотрудники Альфа– корпуса сдают образцы тканей при поступлении на службу. Как раз для таких случаев.

– Почему?! – с мукой выдавила драконесса. – Почему он?!

Зеленый развел крыльями.

– Дориан проявил себя великолепным офицером и прирожденным лидером. Это обычная практика, Талиса. Когда погибает замечательный дракон, его способности не должны быть утрачены.

Она зажмурилась, прижала к лицу ладони. Бешено закричала, впиалась когтями в ковер, изогнулась дугой. Маав молча ждал, пока приступ минует.

Когда разум вернулся, девушка с огромным трудом заставила себя сесть. Ее трясло, глаза ничего не видели из-за слез. Долгие минуты она сидела, сгорбившись, беспомощно уронив крылья. Зеленый дракон с горечью наблюдал.

– Как зовут? – процедила, наконец, девушка.

– Деррек.

– Он знает?

– Конечно, – Маав покачал головой. – Талиса, возьми себя в лапы. Много великих драконов погибло при вспышке, их вернули к жизни наши специалисты. Не только Дориана.

Она дернулась:

– Не зови его так!!!

– Но он и есть Дориан, – жестко возразил доминатор. – Не копия, не двойник. Это твой муж, всего лишь утративший память, и если...

Драконесса с кровожадным ревом бросилась на зеленого и прижала его к стене за горло. Со страшной силой сдавила дракону челюсти.

– Никогда!!! –задыхаясь, прорычала Талиса. – Никогда больше этого не говори!!!

Маав что-то промычал. Опомнившись, девушка отступила, у нее тряслись крылья. Полузадушенный зеленый дракон упал на колени.

– Ясно... – прохрипел он. – Как хочешь...

– Убирайся!!!

Прихрамывая, крылатый поспешил за дверь. Трепещущая Талиса вжалась лбом в холодную, каменную стену.

Шок медленно отходил. Она не знала, сколько прошло времени, часы или дни – в голове мутилось, драконессу тошнило. Когда двери раскрылись во второй раз, ослабшая Талиса едва нашла в себе силы приподнять веки.

Вошел незнакомый дракон в белом комбинезоне. Быстрыми и точными движениями он осмотрел девушку, сделал инъекцию в вену под крылом, капнул что-то вонючее на нос. Талиса чихнула.

– Уйди... – прошептала, беззвучно плача. – Оставьте меня все...

– Скоро полегчает, – ободрил ее врач.

– Я не хочу!

– Верьте моему опыту, все так говорят, – дракон усмехнулся. – Вы сильная, яркая девушка. Вы справитесь.

Она зажмурилась. Врач вскоре ушел, но лекарства подействовали – Талисе и в самом деле стало лучше. Ко второму визиту доминатора, она уже почти пришла в себя и угрюмо сидела в углу, накрывшись крыльями.

Зеленый дракон опустился на ковер подальше от драконессы.

– Ну, как ты? – спросил негромко.

Талиса подняла глаза.

– А как ты думаешь?

– Прости... Я не знал, что все так плохо.

– Ведь прошло пятьдесят лет, да? – горько спросила девушка. – Маав, меня до сих пор мучают кошмары. Я вижу обгоревшего, бьющегося в агонии Дориана, где-то в снегах, и не могу до него дотянуться, не могу обнять...

Зеленый вздрогнул.

– Прости. Ты больше никогда не услышишь о Дерреке, клянусь.

Она судорожно сглотнула. Встала, перебрала крыльями.

– Объяснишь, что здесь творится? – спросила глухо. – Зачем было ломать комедию с похищением?!

Дракон покачал головой.

– Эти сведения абсолютно секретны. Приказ о захвате вашей машины исходил от молодого офицера, ему уже сделали выговор. Если б я в это время был на объекте, можешь верить, к вам бы просто подошли и поговорили.

– О чем поговорили? – жестко спросила Талиса. – Вы рисковали не только моей жизнью, но и жизнью гостя со звезд!

Маав вздохнул.

– Извини. Он–то и был главной причиной инцидента. Когда вы успели перехватить аэрокар, наши запаниковали и ринулись вдогонку. Ни при каких обстоятельствах инопланетяне не должны знать об этом месте.

Талиса скрипнула зубами.

– А я? Я тоже не должна? Тебе не кажется, что после такого... ПРИЕМА, ты должен мне хоть какие–нибудь объяснения?!

Зеленый дракон развел крыльями.

– Талиса, если расскажу, ты больше не вернешься к обычной жизни. Тебя заставят поселиться здесь, в закрытом городе, на много лет отнимут небо.

Она глухо зарычала:

– С каких пор у драконов друг от друга есть тайны?!

Маав прищурил глаза.

– Ты серьезно? Дай– ка подсчитать... – он закрыл глаза и пощелкал когтями. – А, вот: пара тысяч лет устроит?

Талиса с шумом перевела дух.

– Что будет дальше?

– Гхм... – Маав отвел взгляд. – Пока не знаю. Все пошло чертовски наперекосяк... Гибель аэрокара зафиксировали спутники, вы с пришельцем официально числитесь пропавшими без вести. На месте аварии кишат спасатели...

Драконесса вздрогнула.

– И как вы намерены выкручиваться?

Зеленый вздохнул.

– Не имею понятия.

– Я никакие подписки о неразглашении оформлять не стану, – предупредила крылатая.

Доминатор покачал головой.

– Об этом и речь не идет. Будь ты одна, тебя бы просто накачали галлюциногенами и выпустили перед ближайшим спасательным отрядом. Но пришелец все меняет. Он уже видел слишком многое, чтобы ему позволили вернуться на звездолет или связаться со своими.

Талиса отпрянула.

– Но...

– Поверь, у нас есть веские причины так поступать, – мрачно отозвался дракон.
– Что делать с пришельцем, командование решит на днях, а вот тебя... – он с горечью развел крыльями. – Боюсь, Талиса, тебя ждет холодный сон.

– Анабиоз?! – драконесса отпрянула.

– Только до старта «Надежды», – успокоил ее зеленый. – Прости, слишком уж многое поставлено на карту, мы не можем рисковать. Ты даже ничего не заметишь – сомкнешь веки, и ррраз! – проснешься на борту корабля! – с показной бодростью добавил дракон.

Пораженная, растерянная Талиса села на хвост. Зажмурилась, накрыла крыльями голову. Доминатор Маав молча направился к дверям.

– Минутку... – выдавила за его спиной драконесса.

– Да?

– Мой сын, Гранит... Ему сообщат, что я погибла?

Зеленый дракон с болью кивнул. Талиса скрипнула зубами.

– Где мой скафандр?

– Скафандр? – переспросил Маав.

– Там мои персональные файлы, в коммуникаторе, – с трудом выдавила Талиса.

– Если можно, принесите шлем. Я хочу написать Граниту письмо.

Дракон заколебался.

– Но ты не сможешь его передать...

– Смогу, – хрипло оборвала Талиса. – наших тел в обломках не нашли, верно? Значит, мы погибли не сразу, и я вполне могла оставить сыну прощальное послание, которое потом спасатели обнаружат в скафандре.

Маав долго молчал.

– Хорошо, – сказал он, наконец. – Хорошо. Я возьму на себя ответственность. Но прости, Талиса, нам придется ознакомиться с содержанием письма.

– Не возражаю, – процедила драконесса сквозь зубы.

Зеленый вздохнул.

– Я распоряджусь, чтобы тебе доставили шлем.

– Спасибо за щедрость...

Он вздрогнул.

– Талиса, если бы ты не была женой моего бывшего командира и верного друга, поверь, этого разговора просто бы не случилось. Тебя погрузили бы в анабиоз сразу, как ты лишилась чувств при виде... – он запнулся. – ...Прости.

Крылатая криво усмехнулась.

– Я понимаю. Спасибо.

Двери за доминатором бесшумно закрылись. Талиса потерянно опустилась на ковер, уронила голову на лапы. Мысли беспорядочно скакали в голове.

Через несколько минут, знакомый врач принес драконессе шлем от ее скафандра, планшет и внешний микрофон. Талиса слабо улыбнулась. С трудом включила компьютер, соединилась с базой данных вмонтированного в шлем коммуникатора.

– Сынок, это письмо... – начала дрожащим голосом, но запнулась. – Извините, – выдавила, обращаясь к врачу. – Оставьте меня одну, пожалуйста...

Спохватившись, дракон кивнул и быстро вышел за дверь. Талиса обернулась к микрофону.

Ее лапы мгновенно перестали трястись. Схватив шлем, она отодрала прокладку и крест–накрест замкнула проложенные по внутренней поверхности пластика токопроводящие дорожки.

На забрале вспыхнули красные линии – замыкание означало, что шлем треснул. Талиса быстро воткнула микрофон в диагностический разъем, прижала к уху.

– Вы меня слышите? – позвала в пустоту.

Ответа не было долгую минуту, сердце Талисы болезненно сжалось. Но затем, все же, раздался искаженный работающим в режиме динамика микрофоном голос пришельца:

– Я не ожидал получить сообщение через аварийный маяк.

– Он работает на той же частоте, что и ваш транслятор, – процедила драконесса сквозь зубы. – Слушайте внимательно. Мы в большой опасности; местные конспираторы собираются погрузить меня в анабиоз на много лет; вас, вероятно, продержат в плену до отлета вашего корабля и не позволят вернуться на борт.

– Я пришел к тем же выводам, – согласился инопланетянин.

– На месте падения аэрокара сейчас находятся группы спасателей. Мы должны вызвать их на помощь.

– Каким образом?

– Источник питания вашего скафандра использует темную энергию, верно?

– Да.

– Вы способны настроить его в резонанс с естественными гравитационными волнами нашей звезды?

Пауза.

– Вероятно. Однако я не вижу, чем это может помочь.

Талиса скрипнула когтями по полу.

– После вспышки, огромное количество спутников непрерывно мониторят Солнце, любая, даже микроскопическая аномалия моментально приковывает к себе внимание. Драконы издавна пользуются аварийной последовательностью, бинарным кодом, который обычно выстукивают когтями – точка, тире и так далее. Мы закодируем сообщение.

Молчание.

– Остроумно. Хотя и маловероятно.

– Приступайте к настройке. Я буду диктовать.

Голос инопланетянина надолго прервался. Талиса нервно поглядывала на дверь, хвост серебряной драконессы трепетал от напряжения. Решалась ее судьба.

Когда пришелец вновь заговорил, в механическом звучании транслятора ничего не изменилось, но Талиса могла бы поклясться – он изумлен:

– Обнаружил необъяснимую корреляцию, – сообщил инопланетянин. – Если верить моему оборудованию, прямо под этим секретным комплексом находится еще один источник гравитационных волн, сравнимый по мощности со звездой, однако

волны замкнуты на себя, подобно линиям магнитного поля, и не достигают поверхности.

Драконесса вздрогнула.

– Наверно, здесь разрабатывают новый источник энергии...

– Скорее, искусственное солнце, – без намека на эмоции отозвался пришелец. – Полагаю, ваши конспираторы намерены отказаться от корабля «Надежда» и отправить в межзвездный полет саму планету.

Талиса чуть не потеряла равновесие.

– Как?!

– Если вспомнить, что раса драконов владеет технологиями нейтрализации импульса и инерции, это вполне осуществимо. Звездолет «Надежда» послужит лишь временным убежищем; скорее всего, на период разгона.

Пораженная драконесса сглотнула.

– Да– а... Любопытно. Жаль, у нас с вами сейчас другие проблемы; удалось поймать резонанс?

– Технически, да. Но хватит ли мощности моей тау– батареи для внесения уловимых из космоса помех, мы проверить не сможем.

– Еще как сможем, – мрачно пробормотала Талиса. – Нас или спасут, или нет.

Пауза.

– Эффектное умозаключение. Вероятно, нечто подобное зовется в вашей культуре «женская логика»?

– Нечто, нечто... – драконесса щелкнула пастью. – Готовы транслировать сообщение? Длительность точки – около десятой доли секунды, тире – примерно полсекунды, пауза между словами – две секунды.

– Принято. Диктуйте.

Талиса зажмурилась, вспоминая синтаксис. Много лет назад, Дориан то ли в шутку, то ли всерьез, заставил ее освоить аварийный бинарный код; он говорил, что жена спасателя должна ко всему быть готова.

– Точка, точка, точка, тире, тире, тире, точка, точка, точка, пауза, повторить дважды, затем пауза, точка, тире, тире... – начала драконесса.

Диктовка отняла пару минут. Инопланетянин сообщил, что записал

последовательность в компьютер и включил непрерывный повтор. Талиса вздохнула с легким облегчением.

Теперь оставалось лишь ждать – и тянуть время. Поспешно ликвидировав следы насилия над шлемом, крылатая вновь приняла вид безутешной матери и продолжила, дрожащим голосом, диктовать прощальное письмо сыну.

Глава 9

Счетчик радиации зашкаливал. Треск из динамиков сотрясал кабину, за стеклами виднелось призрачное зеленоватое сияние. И кое– что еще...

Гранит, впервые в жизни, ощутил, как гребень шипов встает дыбом от ужаса. Сквозь ветровое стекло, на дракона в упор глядел Скиталец.

Вблизи он ничем не отличался от обыкновенного жителя Гаммы – те же пятнадцатиметровые крылья, четыре мощные лапы, гордый изгиб шеи, длинный хвост, шипы, рога. Огромные бездонные глаза. Но чешуя, казавшаяся обугленной, мерцала призрачным мертвенным светом, тело дымилось, снег под лапами шипел и бурлил, словно вокруг раскаленного металла. Черты лица и другие детали было не разобрать – поток излучения моментально покрыл стекло кабины сеточкой микротрещин.

– Не выходи... – прохрипел чудовищно искаженный голос. – Моя радиация не проникающая. Машина сдержит ее пару минут.

Гранит судорожно вцепился в кресло, про грифона он просто забыл – тот, давно проснувшийся, от страха залез под сидение.

– Ты умеешь говорить! – вырвалось у дракона. Скиталец медленно кивнул.

– Умею...

– КТО ТЫ?! – прохрипел Гранит, у него тряслись крылья. – КТО?!

Скиталец отозвался не сразу, казалось – говорить ему больно.

– Не гоняйся за мной, – проскрежетал он, наконец. – У меня нет машины времени.

Гранит отпрянул.

– Откуда знаешь, что я ищущу?!

– Я все про тебя знаю... – Скиталец опустил лапу на капот вездехода, металл мгновенно раскалился добела, потек жаркими каплями. – Твой отец мертв. Его не вернуть. Смирись.

Дракон дернулся, судорожно ударил хвостом:

– Никогда!!!

Скиталец отвел буравящие глаза. Обугленные крылья поникли.

– Однажды я поклялся любимой, что буду вечно ее хранить... – проскрежетал мертвый голос. – Я не сумел сдержать слово. И кричал, как ты сейчас... Клялся долететь до границ Вселенной, вывернуть наизнанку несправедливый мир. Я не знал, что даже этого окажется мало.

Он тяжело покачал головой.

– Мне не повезло. В миг Большого Взрыва, только случайность определяет, будет ли в новой Вселенной преобладать вещество, либо его антипод. Я надеялся, что этого не случится, но оправдались худшие опасения... Для вас, я состою из антиматерии. Лишь силовые поля сейчас предотвращают взрыв, способный разнести планету на атомы. Щит потребляет столько энергии, что вокруг него происходит рождение электрон–позитронных пар и горит воздух. И еще он вибрирует, имитируя голос.

Потрясенный Гранит широко раскрыл глаза, его сердце бешено заколотилось:

– Ты из другой Вселенной?!

Скиталец с горечью мотнул дымящейся головой.

– Если бы... – прошептал он мучительно.

Что-то вспыхнуло в душе Гранита. Еще не веря, не в силах осознать, он так стиснул штурвал вездехода, что смял его в гармошку.

– Папа? – позвал, цепenea от ужаса.

Скиталец долго молчал.

– Твой отец мертв...

– Папа?! – Гранит вскочил. – Нет... – он судорожно глотнул воздух. – Нет!.. Так не может быть! Я не верю!!! Тебя здесь нет!!! Это невозможно!!!

Скиталец горько улыбнулся.

– Все так говорили, – сказал скрежещущим, неживым голосом. – Все. Повторяли, что это невозможно. А я не слушал.

Он отступил на шаг от вездехода, снег зашипел.

– Ты мой сын, – с трудом произнес Скиталец. – Но я не твой отец. Там, откуда я прибыл, сынок, ты так и не успел вылупиться.

Гранит впился когтями в приборную панель, до боли, до крови.

– ПОЧЕМУ?.. – сумел прохрипеть.

– Потому, что я опоздал, – глухо сказал призрак Дориана. – Я дал твоей матери клятву вечно ее охранять, но опоздал лишь на пару мгновений – и этого хватило. Вся могучая наука драконов, вся энергия Галактики не могла отменить жалкую пару мгновений.

Он со скрежетом стиснул когти, породив небольшой огненный взрыв.

– Я... Наверно, сошел с ума. Друзья уговаривали смириться, найти новую цель в жизни. Но это казалось мне столь же невозможным, как полет в прошлое... – Скиталец зажмурился. – Я был физиком. Не спасателем, как твой настоящий отец. А физики привыкли мыслить масштабно, и у меня зародился безумный план...

– Дориан тоже был физиком, – выдавил дрожащий Гранит. Скиталец кивнул:

– Знаю. Я страшно боялся, что слишком сильно изменю историю и вы с матерью не появитесь, но эластичность континуума поразительна. Извини, малыш... – он покачал головой. – Все, что я делал, я делал ради вас, но молча смотреть, как драконы гибнут в катастрофах, о которых я помнил, оказалось превыше моих сил.

Он отвел взгляд.

– Вам это неизвестно, однако именно я, много тысяч лет назад, уничтожил крепость Кагг. Хватило нескольких грамм антивоздуха, которым я сейчас дышу... – добавил он горько.

Гранит, слегка опомнившись, бил хвостом от волнения.

– Откуда ты? – спросил с трепетом.

Скиталец натянуто улыбнулся.

– Представь число, состоящее из стольких нулей, что если изобразить их на бумаге, стопка листов превысит общее количество элементарных частиц во Вселенной, и превысит во столько же раз, сколько есть этих частиц, возведенных в степень. Его

проще записать, чем объяснить... – дымящаяся лапа Скитальца коснулась капота машины и вывела, прорезая металл, будто масло:

– 10101010101.1

– Что это? – спросил пораженный Гранит.

Призрачный Дориан с горечью покачал головой:

– Примерное³ общее время возврата для Вселенной, включая и наблюдаемую, и ненаблюдаемую ее части.

– Возврата? – переспросил Гранит.

Скиталец усмехнулся.

– Возьми коробку с песком, потряси. Шансы, что все песчинки займут строго те же места, как до начала тряски, с любой практической позиции равны нулю. Но если непрерывно трясти коробку миллиард лет, рано или поздно вариации себя исчерпают, и коробка станет в точности такой же, как была.

Гранит задохнулся.

– Ты что... Ты... Ты ЖДАЛ, пока атомы во всей Вселенной... – он не смог продолжать. Скиталец покачал головой.

– Увы, малыш. Время жизни Вселенной слишком мало, чтобы такого дождаться. Я пережил мириады мириад Вселенных. Столько же Больших Взрывов, сколько во всех галактиках этого мира имеется звезд.

Гранит рухнул в кресло, зажмурился, яростно потряс головой.

– Но это невозможно... – пролепетал беспомощно.

Скиталец развел дымящимися крыльями.

– Математика, сынок. Чистая математика. В течение вот этого времени, – он кивнул на прожженную в капоте цифру, – любые вариации себя исчерпают. И во Вселенной вновь появится Гамма Дракона, где вылупится серебристая девочка... – он запнулся. – Только, к моему несчастью, из антиматерии.

Дориан с болью опустил голову.

– Там, на холме, много лет назад, я впервые ее увидел и не сдержался... – прошептал призрак. – Она была птенцом, я не должен был приближаться и пугать... Просто не выдержал... Ведь до последнего мига я не мог быть уверен, что Талиса...

³ Теорема возврата Пуанкаре

Настоящая Талиса... Что я дождусь... – он содрогнулся. – Вновь увижу мир, где наш сын успеет вылупиться...

– Но как ты мог жить столько лет?! – закричал Гранит. – Как переносил Большие Взрывы, эпохи черных дыр, общий распад материи?!

Дориан слабо улыбнулся.

– Я прячусь вне пространства, сынок, в тонкой прослойке между бранами. Время там отсутствует, как параметр. А чтобы не пропустить возрождение родной мне Вселенной, я сравнивал галактические кластеры. Это гораздо точнее, чем рисунок сетчатки; двух одинаковых Галактик не возникало ни разу за все время, пока я ждал. Кроме последнего цикла... – он развел крыльями. – К сожалению, антивещество издали от вещества не отличить.

Дориан опустил взор.

– Синхронизация наступила около десяти лет назад, – сказал глухо. – Это значит, я пересек в вашем мире тот момент, когда стартовал в своем. Отныне я не могу предсказывать катастрофы – я знаю о них не больше, чем вы. Скиталец утратил смысл...

Гранит вскочил.

– Отец!

– Я должен был поговорить с вами хоть раз, прежде чем уйти, – с болью отозвался призрак.

– Уйти? Уйти?!

Он развел крыльями.

– Посмотри на меня. Даже мой облик несет друзьям смерть через радиацию. А если сломается щит, мое тело взорвется с силой тысячи звезд! Я никогда не позволю драконам так рисковать. Я слишком долго ждал.

Дориан опустил голову.

– Быть может, в следующий раз, через квинтиллионы веков, мне повезет, и вновь возродившаяся Вселенная примет одинокого дракона... Я подожду.

Гранит стиснул виски.

– Но... Но так нельзя! – он затряс головой. – Нельзя! Я искал тебя все эти годы!

– Не меня, – тяжело отозвался Дориан. – Не меня, сынок.

– Тебя!!! – прорычал молодой дракон. – Крылатого, посвятившего жизнь спасению сородичей! Отца, что наградил меня гордостью – гордостью, что я сын такого дракона!!!

Дориан с мукой закрыл лицо лапами.

– Я даже не могу тебя обнять... – простонал он страшно. – Пощади, не обрекай на такую судьбу! Я хочу любить твою мать, целовать наших детей! Хочу вновь стать драконом, а не вечным бездомным Скитальцем!

Гранит оцепенел, у него чуть не остановилось сердце.

– Папа... – прошептал он, дрожа.

– Я прощаюсь с Талисой и вернусь в междумирье, – глухо сказал Дориан. – Я люблю тебя, сын. Если и ты меня любишь – отпусти.

Молодой дракон зажмурился, судорожно вдохнул.

– Вчера с Гаммы пришло сообщение, – произнес он безжизненно. – Мама пропала без вести.

Глаза Скитальца вспыхнули таким жаром, что деревья вокруг машины задымились.

Глава 10

Измощенная бесплодной борьбой, распластанная на операционном столе, драконесса была прикована за лапы и крылья, лицом к потолку. Вентиляторы обдували ее тяжело вздымающуюся грудь, напряженные мышцы. Сил почти не осталось, но крылатая, отказываясь смириться, продолжала сражение с цепями.

– Вы переутомились, – голос существа, привязанного к соседнему столу, прозвучал механически. Девушка гневно выдохнула из ноздрей пар:

– Я не могу... Не могу вот так... Только не так! – она в бешенстве дернулась еще раз и, окончательно обессилив, обмякла в цепях. – Не так... – прорычала с болью.

– Обстоятельства в нашей ситуации вторичны, – заметил другой пленник.

Талиса шумно выдохнула. Закрыла глаза.

– Спасатели появятся, – сказала после паузы. – Мыждемся, вот увидите. Ваши сородичи не улетят без вас, драконы не позволят меня заморозить... Мыждемся...

– У меня кончается воздух, – тем же механическим голосом ответил прикованный.

Крылатая вздрогнула:

– Но... Так быстро?..

– События последнего времени располагали к его повышенному расходу. Я уже задыхаюсь, скоро потеряю сознание.

Драконесса с болью зажмурилась.

– Мне очень жаль, – произнесла тихо.

– Вы ни в чем не виноваты.

– Это сочувствие, – буркнула девушка. – У нашего рода есть такая особенность...

– Вы не знаете моих чувств, поэтому не можете их разделять.

Талиса горько улыбнулась.

– Скажите честно: а вообще, чувства, они у вас есть?

– Вы про мой вид, или про меня как индивидуума? – после некоторой паузы спросил инопланетянин.

– В обоих смыслах.

Молчание.

– Есть, – отозвался, наконец, прикованный. – В обоих смыслах.

– Неужели вы, сейчас, не ощущаете горечь или гнев? Неужели вам не хочется жить?!

Пленник полуобернулся, звякнув цепями. По блестящим сочленениям скафандра скользнуло отражение хирургических ламп.

– Я очень хочу жить, – прожужжал голосовой транслятор на его плече. – Просто я умею трезво оценивать ситуацию даже на краю гибели.

Драконесса, прикованная рядом, устало мотнула головой.

– А мы сражаемся до последнего... – произнесла глухо.

– Я знаю.

Воцарилось молчание, только посвистывали вентиляторы. Прошло уже несколько часов с тех пор, как пленников привязали в операционной, но врачи не появлялись – подземную лабораторию сковала жуткая, смертоносная тишина, это было хуже всякой пытки.

– Эй, вы!!! – не сдержавшись, крикнула Талиса. – Эй!!! У него кончается воздух!!!

Молчание. Драконесса стиснула когти.

– Должно быть, что-то случилось, – выдавила через силу. – Я не верю, что вас рискнут хладнокровно убить. Драконы так не поступают. Мы... – она запнулась, – Мы... Мы не такие...

– Я вынужден извиниться за свои предыдущие слова, – произнес инопланетянин. – Я был неправ, говоря, будто ваша цивилизация стремится к механистическому, насекомоподобному социуму.

Талиса с громадным трудом сконцентрировалась и помотала головой.

– Я не верю... – прошептала, дрожа. – Драконы так не делают...

– Все замечательно, – без любого намека на эмоции произнес инопланетянин. – Наличие подобных конспирологических экстремумов свидетельствует о здоровом и духовно богатом обществе. Поверьте, Талиса: если бы все драконы разделяли единые морально–этические воззрения и вели себя строго «идеально», это означало бы гибель цивилизации и рождение муравейника.

Девушка судорожно втянула воздух.

– Нас собираются заморозить, и вам это нравится?!

– Вы вновь превратно понимаете мои слова. Разумеется, мне не нравится грозящая нам опасность; но я чрезвычайно доволен и, пожалуй, рискну употребить термин «счастлив» встретить в вашем обществе полноценный конфликт. Данная находка кардинально меняет мое восприятие драконов, как цивилизации, рывком поднимая ваше развитие на целую ступень.

Инопланетянин помолчал и добавил безо всяких интонаций:

– Вот превосходный пример научного открытия, которое, вполне вероятно, так и не будет доставлено мною обратно на звездолет, но не станет от этого менее значимым.

– Вы вернетесь домой! И я вернусь! Все будет хорошо! – прорычала драконесса. Ее ноздри раздувались от гнева.

Пришелец повернул в ее сторону шлем.

– У меня есть мечта, – сказал он внезапно. – Я хочу рассказать вам о ней. Это позволит моей мечте не исчезнуть без следов, если вы уцелеете.

Долгая тишина.

– Я слушаю, – с необычайной серьезностью ответила девушка. В зеркальном забрале отражалось ее изящное, граненое лицо.

– Южный сектор местного небосвода украшают два созвездия, именуемые на вашей планете Парусами и Центавром, – прожужжал механический голос. Несоответствие слов интонации придавало рассказу жуткий мертвенный оттенок. – Между этими созвездиями, в далеком космосе, находится таинственный объект. Все известные во Вселенной галактики, скопления галактик и сверхскопления, абсолютно все структуры Космоса движутся так, словно их притягивает к этой точке⁴.

Пленник на мгновение умолк.

– По расчетам, объект должен располагаться за гранью видимой нам Вселенной. Но грани Вселенной мы видим с опозданием на тринадцать миллиардов лет, сегодня она гораздо обширней, и таинственный объект может оказаться досягаем. Где-то там, в необъятном Космосе, есть точка, вокруг которой вращается мироздание.

Невидимое за стеклом лицо обратилось к напряженно слушавшей драконессе.

– Могут уйти столетия, прежде, чем такой полет удастся осуществить. Тот, кто решится лететь, больше не вернется домой, поскольку время в пути превысит срок жизни любой звезды или планеты. Но я все равно мечтаю.

– Это прекрасная мечта, – тихо сказала девушка.

– Спасибо.

– Я... У меня нет слов, – крылатая сглотнула. – Простите. До сих пор... Я считала вас наполовину машиной.

Пленник легонько звякнул цепью.

– У вас превратное мнение о машинах, – прожужжал голосовой транслятор на его плече.

⁴ Реальный космологический феномен, т.н. «Темный поток»

Измученная драконесса опустила веки. Резкий свет люминесцентных хирургических ламп ранил глаза, от непрерывно дующих вентиляторов мерзла перепонка. Крылатая попыталась собраться с мыслями.

Все ли она сделала, как надо? Все ли успела?

Драконесса стиснула зубы. Надо еще разок прокрутить жизнь с самого начала, беспощадно вывернуть наизнанку память.

Крылатая, как наяву, вспомнила волшебную ночь много лет назад. Вспомнила, как они с Дорианом стояли на балконе, над сказочно красивым городом, и как внезапно стала разгораться луна...

– Лети! – крикнул он ей. – Лети!!!

Драконесса зажмурилась. Попыталась вызвать в памяти лицо мужа. Все эти годы, вот уже пятьдесят лет после катастрофы ее мучали кошмары, во снах Дориан виделся ей обугленным, дымящимся, кричащим от боли, и она бессильно царапала стекло, билась о невидимые барьеры, словно бабочка на окне. Сейчас, прикованной к операционному столу, измученной, перепуганной, ей вновь явился сей жуткий образ – во всех деталях, будто наяву. Талиса затрепетала.

– Я ждала... – простонала она, чувствуя как по чешуе катятся слезы. – Я ждала...

– Прости, – глухо, с мукой ответил дымящийся силуэт. – Я не сдержал слова.

Она судорожно вдохнула.

– Настал мой час, да? – спросила беспомощно. – Так ярко ты раньше не приходил...

Он покачал обугленной головой.

– Я слишком долго ждал, чтобы позволить этому случиться, – ответил хрипло.

Драконесса горько улыбнулась.

– Побудешь со мной, пока все не кончится?

– Нет, – глухо сказал Дориан. – Больше я тебя терять не намерен.

Талиса медленно подняла веки. Что-то странное в словах призрака вырвало ее из воспоминаний; некоторое время девушка напрасно пыталась избавиться от дымящегося силуэта перед глазами. Она яростно помотала головой – тщетно. Призрак не исчезал.

И лишь услышав безжизненный голос пришельца, шокированная Талиса, наконец, осознала, что больше не бредит.

– Вы спрашивали, испытываю ли я чувства, – механически произнес инопланетянин. – Сообщаю, что сейчас я испытываю глубочайшее изумление.

Его можно было понять. В сумраке подземной лаборатории, перед пленниками, парил Скиталец.

Талиса перестала дышать – ее сердце оцепенело, разум судорожно трепетал. Скиталец находился совсем рядом, она видела его дымящееся лицо, видела глаза.

– Дориан?! – выдохнула потрясенная драконесса. – Дориан?!!

Скиталец легонько качнул массивной обугленной головой.

– Дракон, которого ты знала, мертв, – выговорил он хрипящим, но все же знакомым голосом. – Можешь считать меня его... клоном.

Он протянул черную, дымящуюся лапу к оковам.

– Я не сумею вас освободить. Я состою из антиматерии, мое тело излучает смертоносную радиацию. Еще тридцать секунд, и мне придется уйти, чтобы не отравить вас слишком сильно. Но излучение легко зафиксировать, тысячи спутников непрерывно отслеживают Скитальца. Скоро спасатели придут и освободят вас. О похитителях я уже позаботился, – его глаза сверкнули неожиданно свирепо.

Талиса сглотнула.

– Дориан, ты... Ты... Ты Скиталец... Это сон, да?..

– Я другой Дориан, – выдавил призрак. – Но ты, любимая... Ты совсем такая же, как я помню...

Он зажмурился. Если не считать дымящейся обугленной чешуи, вблизи Скиталец ничем не отличался от нормального взрослого дракона.

– Мне пора, – прохрипел он, дрожа всем телом. – Я отравляю тебя излучением. Когда Гранит вернется с Аятты, он все объяснит.

Скиталец попятился.

– Прощай, родная. Живи вечно.

– Стой!!! – дико закричала Талиса, но призрак взмыл вертикально вверх и пропал из виду, пролетев сквозь белый потолок операционной. Драконесса, тонко вскрикнув, лишилась сознания.

Очнулась уже в медицинском отсеке спасательного аэрокара. Глядя, как в иллюминаторах уменьшаются зловещие руины, Талиса пыталась уговорить себя поверить. Мистическая встреча с каждым мигом все больше покрывалась вуалью сна, казалась бредом воспаленного разума. Инопланетянина, чтобы спросить, рядом не было: его везли в другой машине, где воссоздали атмосферу их родного мира. А врачи казались слишком заняты, восстанавливая здоровье истощенной драконессы. Постепенно веки Талисы сомкнулись; сознание с облегчением нырнуло в прохладную мглу, где не жалили сны.

В больнице ее уложили в отдельную палату, поставили большой терминал. На всех каналах шли сюжеты об их похищении и аресте доминатора Маава вместе с группой высокопоставленных офицеров Альфа- корпуса. Говорили, их обнаружили подвешенными за хвосты в собственных кабинетах, обработанными такой дозой радиации, что и безо всяких решений суда им предстояло провести в реабилитационных клиниках долгие месяцы. Ни о Скитальце, ни о секретном объекте под руинами Кагга, даже не упоминалось.

– Я хочу поговорить с пришельцем... – слабо попросила Талиса, когда ей принесли ужин. – Отвезите в его палату, пожалуйста.

– Инопланетянина отправили на звездолет, там за ним присмотрят их собственные врачи, – отозвалась медсестра. – А для вас у меня сюрприз! – она подключила к терминалу коробочку с логотипом космического департамента. – Прямой канал на Аятту! Задержка около семи минут, правда... – медсестра вздохнула. – Так что, разговор с сыном вам предстоит долгий.

На экране появилось родное, взволнованное лицо Гранита. Талиса едва удержалась, чтобы не вскочить.

– Привет, сынок, – сказала с улыбкой.

И откинулась на подушки, чтобы долгие четырнадцать минут ждать ответа.

Эпилог

Утро выдалось ветреным. Здесь, в горах, злое Солнце еще не убило снег, олени в примитивном загоне жалобно блеяли от холода. Двое молодых охотников спорили,

как закрепить шкуры на изгороди, чтобы звери не так мерзли, когда с неба раздалось хлопанье крыльев и в центр стойбища опустился пожилой грифон.

– Гуорган! – вскрикнула одна из жен Эгенгека, случившаяся поблизости. Вождь не заставил себя ждать; вскоре старика окружило почти все племя.

– Ты вернулся? – недоверчиво, тщетно пытаясь скрыть радость, спросил Эгенгек.

Пожилой охотник оглядел новое стойбище, поцокал клювом при виде колючей изгороди. Перевел взгляд на правнука.

– Я так подумал, – произнес он спокойно, – Незачем крылатым сторониться друг– друга. Собирай вече, Эгенгек, шли птенцов по всем стоянкам: большое слово говорить буду.

Гуорган поднял глаза к небу. Смерил взбесившееся солнце недобрый взглядом.

– Да скажи всем, – добавил негромко. – Отныне пусть кличут Небесных Рыб – «драконами».

Слегка растерянный, Эгенгек неуверенно кивнул.

В нескольких сотнях километров от стойбища, большой серый дракон стоял у трапа космического корабля, держа за руку изящную, стройную мраморную драконессу.

– Летим со мной! – еще разок взмолился Гранит. – Чайка, милая, только представь, какие нас ждут приключения! Новые Вселенные, бесконечные миры! Я не успокоюсь, пока не повторю открытие отца!

Она улыбнулась.

– Вот как все будет готово, так и прилечу... Может быть... – она провела крылом по щеке огорченного дракона. – Малыш, я ящерка свободная. Героические самопожертвования, многовековое дежурство на страже еще даже не возникших рас... – Чайка вздохнула. – Ну какая от меня польза в таких делах, а?

Гранит понурил голову. Мраморная драконесса ласково лизнула его в нос и невнятно расхохоталась, когда язык моментально примерз. С трудом освободилась.

– Лети, будь счастлив, – мягко сказала Чайка. – Да помни: бери от жизни все, пока дышишь. Какой прок от бессмертия, коли живешь не в кайф?! – рассмеявшись, она легко ударила крыльями и умчалась ввысь. Мрачный Гранит полез в корабль.

В семи световых минутах от космодрома, на раскаленной, медленно гибнущей планете Гамма, некрупный черный дракон постучал в дверь больничной палаты. Открыл агент Альфа– корпуса, быстро и профессионально обыскал. Металлодетектор в дверной рамке мигнул зеленым.

Крылатый молча приблизился к гелевому матрасу, где лежал дракон с перебинтованным хвостом. Рядом размеренно гудела установка очистки крови.

– Ну? – нетерпеливо спросил доминатор Маав. – Докладывай!

Черный отдал честь.

– Все подтверждается, командир. Можете спать спокойно. Пришельцы убеждены, будто мы скрываем от них искусственное солнце.

– Уверен? – жестко спросил раненный.

– Абсолютно. Смонтированный на скафандр беглеца микродатчик исправно перехватывает их внутренние разговоры. Капитан собирается выразить Гамме официальный протест за похищение члена экипажа, мы все повесим на вас.

Маав с облегчением выдохнул.

– Напирайте на мою некомпетентность и одержимость теорией заговора. Обязательно уточните, что я потерял во вспышке семью, а для драконов это страшный удар.

Черный заколебался.

– Потеряли семью? А если проверят?..

– Что проверят? – Маав ухмыльнулся. – Базу данных по регистрации браков? Там есть запись и обо мне...

– Ясно, – черный дракон отдал честь. – Командир... А что насчет Скитальца? Мы проанализировали записи, вам не померещилось. Это действительно Дориан.

Маав помолчал.

– Скитальца отставить. Пока текущая ситуация не утрясется. Но все же, возьмите в разработку Талису, Гранита и всех родственников, даже дальних.

– Они и так под колпаком с момента побега...

Маав поморщился.

– В ЭТОТ раз никакой самодеятельности, понятно?!

– Можете не объяснять, командир, – черный вздрогнул. – Будь моя воля, Дерреку

за фиаско с Галисой надо бы крылья засунуть в...

– Деррек ни причем, – жестко оборвал доминатор. – Крылья засовывать надо тому, кто преспокойно утвердил «экскурсию» пришельца в Кагг, да еще и отправил с ним гражданское лицо! Выяснили, кто это был?

Черный дракон отвел взгляд.

– Выясним.

– И последнее на сегодня, – хмуро добавил Маав. – Запустите в сеть парочку документальных фильмов– разоблачений о жутком секретном комплексе в руинах Кагга, где авантюристы из Альфа– корпуса готовятся рискнуть всей планетой ради паршивого искусственного солнца. Десяток размытых видеозаписей, немного бреда аналитиков, ну, все как обычно.

Черный сглотнул и недоверчиво посмотрел на доминатора. Помедлив, отдал честь и направился к дверям.

В никаком МЕСТЕ, на никаком РАССТОЯНИИ от больницы, а главное, сразу в любое взятое наугад ВРЕМЯ, крупный бронзовый дракон вышел из сверкающего портала и, бессильно, опустился на kleпанный металлический настил. За его хвостом, сдвоенное защитное поле заискрилось мириадами блесток – аннигилировали молекулы, несмотря на все карантинные меры прихваченные из антивселенной.

Когда очистка закончилась, Дориан прижал сканер по очереди к каждому глазу. Дождался зеленого огонька.

– Подтверждаю отключение щита. Повторяю: опасности взрыва нет, подтверждаю отключение щита.

Он посидел в тишине около минуты, после чего вновь просканировал глаза и повторил кодовую фразу. Из стены выдвинулся манипулятор, зажал кончик драконьего крыла, окружил ярким защитным коконом. На микрометр приподнял щит. Взрыва не последовало.

Лишь теперь компьютер дал «добро», и окутавшее дракона силовое поле постепенно угасло. Измученный, дрожащий от горя и нервного напряжения, Дориан проковылял к себе в каюту.

Отдыхал почти час, когда в дверь постучали. Вздохнув, дракон заставил себя сесть.

– Входи, входи...

Створки беззвучно раскрылись:

– Ну, как ты? – спросил красивый бело– золотой грифон с татуировками молний на обоих крыльях.

Дориан горько улыбнулся.

– Поговорил.

– Да брось! – пернатый вошел в комнату и уселся на ковер перед драконом. Щелкнул когтями в воздухе, двери закрылись. – Решился– таки?!

– Решился... – Дориан понурил голову.

Грифон улыбнулся краями пластичного клюва, похлопал друга крылом по спине.

– А твердил–то, твердил! «Никогда, ни за какие коврижки»!

Дракон вздрогнул. Поднял глаза.

– «Никогда»? – повторил медленно. – Разве для нас, это слово имеет смысл?

Пернатый запнулся. Перебрал ушами, помолчал.

– Метко, – сказал после паузы.

Дориан хрипло вдохнул.

– Я выхожу на следующем цикле, если снова не будет антимир.

Грифон отпрянул:

– То есть, как, выходишь? – переспросил недоверчиво. – А семья? Мечты?! Ради чего ты ждал всю эту вечность?!

Дракон с болью развел крыльями.

– У меня есть семья, – отозвался тихо. – Да, я не могу быть рядом, но они здесь, – он тронул сердце. – Я все же исполнил клятву.

– Это не твоя семья, – жестко оборвал пернатый. – Это семья твоего антидвойника, который, вдобавок, мертв. Твоя настоящая семья ждет в будущем. Там, где ты вновь познакомишься с Талисой и вновь завоюешь ее сердце.

Дориан медленно покачал головой.

– Рядом с Талисой всегда будет мой «двойник», – отозвался глухо.

– И что же? Ты станешь молча смотреть, как он, в очередной раз, ее потеряет?

Дракон так дернулся, что чуть не ударился рогами в стену. Пернатый отпрянул:

– Прости. Прости, я не хотел.

Дориан скрипнул зубами.

– Моя семья... – прорычал он глухо, – Моя единственная подлинная семья мертва. Я не сумел их сберечь. Сегодня я видел Талису... – Дориан сглотнул. – Она узнала меня. Она чуть не потеряла сознание от счастья, думая, будто я ее муж. И мне пришлось сказать, что дракон, которого она любит, мертв!

Его передернуло.

– Больше я не стану отнимать любовь у других, – твердо произнес крылатый. – Я буду ее охранять, а не присваивать.

Он опустил голову. Долго молчал.

– Ты не задумывался, сколько добра мы могли бы принести тем мирам, которые «пропускаем» в ожидании определенного, персонального? – спросил тихо. – Представляешь, сколько жизней, сколько планет могла бы спасти даже крохотная толика нашего могущества?

Грифон отступил на шаг. Его перья невольно распушились.

– Я постоянно думаю об этом, – отозвался еле слышно.

– Так почему же?!

Пернатый отвернулся.

– Потому, что я дал клятву исправить мир, – сказал глухо. – Мир, где родился. Меня не хватит на все миры, их слишком много.

Дориан подался вперед:

– Понаделаем клонов. Мы могли бы оставлять собственные копии в каждой Вселенной.

– О, да, – иронично воскликнул пернатый. – И как бедная, несчастная Вселенная без нас обойдется?!

Дракон пожал крыльями.

– Обойдется–то она прекрасно, а вот добра мы сумели бы принести в миллионы раз больше, – он прищурил глаза. – Согласен?

– Насчет добра – согласен, а про клоны забудь, – решительно заявил грифон. – Кто станет их растить, воспитывать, обучать? У меня знаешь, какой характер? Хищщщщщный! А ну, что–то пойдет не так: только вообрази, какой из меня или тебя

получится Темный Властелин!

– Фиговый, – немедленно отозвался дракон. Пернатый фыркнул, но не выдержал и расхохотался, дергая крыльями.

– Вот– вот... – он встряхнулся, распушил перья. – Знаешь, что, друг чешуекрылый? Идем– ка в солярий. Ты устал, напряжен, расстроен. Отгадай– ка: вот дракон печальный, а вот дракон счастливый: где разница?

Дориан со вздохом покачал головой.

– Ну и где?

– В желудке! – невозмутимо откликнулся грифон. – Пошли, пошли... Не сиди тут, как всеми покинутый ящер... Выпьем киса, помянем друзей... Нам обоим есть много, кого помянуть... – он чуть ли не силой вытолкнул дракона в коридор и, обняв крылом, потащил к лифту.

Конец

P.S.

Инопланетянин стоял у огромного, во всю стену иллюминатора, украшавшего его персональный медитативный куб. За прозрачным металлом слепяще горело солнце, вдаль убегала выжженная пустыня драконьей планеты. Планеты, населенной очень интересными и противоречивыми существами.

Ощувив ментальный контакт соседнего индивидуума, пришелец отобразил готовность к обмену мнениями.

«Я хочу вновь воззвать к твоей рассудительности», – донеслась мысль. – «Успех исключительно эфемерен, а результат в любом случае недостаточно ценный»

«Отвечаю в n+1 раз», – терпеливо отозвался инопланетянин. – «Рассудок не задействован. Руководящая мною сила в данном вопросе является эмоционально–

оправданной и мотивированной»

«Мне неясна мотивация. Я готов согласиться с эмоциональной оценкой, но мотивацию ты так и не предоставил»

Пришелец улыбнулся тонкими, черными губами. В его миндалевидных сиреневых глазах промелькнула веселая искорка.

«Я хочу отплатить аборигену добром за самоотверженность, проявленную в критической ситуации»

«Это не мотивация, а софистика»

«В моем видении, ты ошибаешься»

«Допустим. Как ты намерен добиться цели?»

Инопланетянин скрестил на груди тонкие, хрупкие руки. Обтягивавшая их кожа имела приятный салатный цвет.

«Из отсканированных мною разумов, пока я пребывал в плену, удалось выяснить два любопытных факта. Результат их проверки достаточно ценен, чтобы рискнуть»

«Можно подробнее об упомянутых фактах?»

«Можно. Факт первый: в подземельях под руинами Кагга не разрабатывают искусственное солнце. Там создают портал в измерение, откуда драконы бежали двадцать тысяч лет назад»

Пауза.

«Факт действительно любопытный. Благодарю. А второй?»

Инопланетянин улыбнулся.

«Факт второй. Портал, до сих пор, работает лишь на отбытие. Возвращать попавшие в него объекты драконы не умеют. Именно так, пятьдесят шесть местных лет назад, пропал абориген по имени Дориан, партнер самоотверженно защищавшей меня самки Талисы. Он добровольно вызвался в разведку, поскольку верил, что солнечная вспышка уничтожит цивилизацию. Дориан искал убежище для семьи».

Молчание.

«Факт любопытен лишь субъективно. Однако мотивация начинает прослеживаться. Позволь экстраполировать мысль: ты собираешься проникнуть в портал, чтобы сделать его двусторонним с помощью наших тау-технологий?»

Инопланетянин отозвался коротко и жестко:

«Я собираюсь спасти дракона и вернуть его домой»